

Est. A-16428

919.

Est. A - 10428

Въ Императорскій

Обществу Студентовъ Медики

А. И. Яроцкій, ~~1874~~

ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

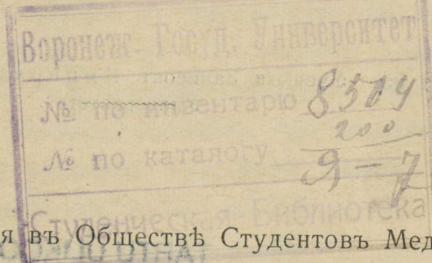
10119

отъ автора.

200

ЦѢННОСТЬ РЕЛИГІИ

СЪ БІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Лекція, прочитанная въ Обществѣ Студентовъ Медики
при Юрьевскомъ Университетѣ.)

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1915.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

i 20478832

Этот очеркъ, напечатанный въ „Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“, представляетъ собою одну изъ моихъ работъ, посвященныхъ вопросу объ условіяхъ устойчивости человѣческой личности. Въ моей книгѣ „Идеализмъ, какъ физиологическій факторъ“ я старался обосновать то положеніе, что устойчивость человѣка противъ болѣзней находится въ зависимости отъ богатства и яркости его духовной жизни. Въ работѣ „Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе“ была сдѣлана мною попытка показать, что альтруизмъ является такимъ направленіемъ душевной жизни, которое обезпечиваетъ ей наиболѣе яркое, полное и прочное развитіе. Наконецъ, въ этой работѣ я стараюсь, основываясь главнымъ образомъ на Фейербахѣ, Гефдингѣ, Дюркгеймѣ и работахъ американскихъ ученыхъ, выяснить, какую роль играютъ для индивидуума религіозныя переживанія и религія, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе. Признавая, что способность вѣрить есть одно изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, я пытаюсь подойти къ рѣшенію вопроса о томъ, какимъ эквивалентомъ можетъ замѣниться религія у людей съ послѣдовательнымъ естественнонаучнымъ складомъ мышленія.

А. Яроцкій.

7-го Декабря 1914 г.

Юрьевъ-Дерптъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	V
Глава I-ая. Изученіе явленій религіозной жизни съ психологической точки зрѣнія. Исслѣдованія Старбека. Явленія обращенія. Распредѣленіе обращеній по возрастамъ у мальчиковъ и дѣвочекъ. Совпаденіе кривыхъ обращеній и религіознаго пробужденія съ кривыми прибавокъ вѣса и роста. Религіозное пробужденіе есть одно изъ проявленій функцій организма. Что такое обращеніе съ точки зрѣнія фізіологической психологіи?	1—12
Глава II-ая. Опредѣленіе религіи согласно Шлейермахеру, Гюйо, Дюркгейму. Иллюстрація различнаго отношенія челоуѣка къ окружающему у Леуба. Характерная черта религіи по Гефдингу. Принципъ сохраненія (утвержденія) цѣнности. Примѣры. Значенія Фейербаха для этой формулировки сущности религіи. Вѣра, какъ душевный процессъ, характеризующій религіозныя переживанія. Опредѣленія А. И. Введенскаго, П. П. Соколова. Точка зрѣнія протестантизма. Роль вѣры въ научномъ творчествѣ. Примѣры: Мечниковъ, Павловъ. Значеніе вѣры для активнаго воздѣйствія на окружающее. Точка зрѣнія Лаврова	12—28
Глава III-ая. Какъ строится религіозная система на основаніи отдѣльныхъ факторовъ, какъ индивидуальныхъ такъ и общественныхъ? Значеніе оптимистической и пессимистической окрасокъ эпохи. Примѣры. Значеніе психологическаго склада индивидуума. „Мягкій“ и „твердый“	

типы по Джемсу. Значеніе различнаго запаса фактических знаній. Законоѣрность зависимости извѣстной религіозной системы отъ условій жизни, среди которыхъ она возникла. Примѣры. Тотемизмъ по Дюркгейму. Условія соціальной жизни австралійскихъ дикарей. Значеніе аскетизма, мученій. Жертвоприношенія — Интихіума. Смѣна однихъ религіозныхъ системъ другими. Точка зрѣнія Фейербаха на смѣну язычества христіанствомъ. Борьба научнаго міросозерцанія съ религіозными концепсіями міра. Внутренній опытъ, какъ удостовѣреніе истинности религіи . 28—45

Глава IV -ая. Прагматизмъ. Необходимость прекращенія жизни на землѣ съ точки зрѣнія естествознанія, какъ фактъ, заставляющій постулировать существованіе разумаго начала, управляющаго міромъ. Точка зрѣнія Вундта на религію. Необходимость громаднаго разнообразія религіозныхъ переживаній. Болѣе широкая и болѣе узкая формулировка термина — религія. Вѣчность стремленія къ утвержденію цѣнностей. Способность вѣрить есть проявленіе богатства жизненныхъ силъ. Вѣра, какъ факторъ общественной жизни . . . . . 45—58

Глава V -ая. Попытки искусственно конструировать религію. Поклоненіе „Разуму“ во время Великой французской революціи. Религія „Человѣчества“ Конта. Христіанская Наука или Лѣченіе Духомъ въ Америкѣ. Общества этической культуры. „Монизмъ“. Вѣра въ прогрессъ. Цѣнность цѣльности міросозерцанія. Возможный эквивалентъ религіи у людей естествонаучнаго склада. Вѣра въ богатство жизненныхъ силъ окружающихъ насъ людей. Отличіе этой системы утвержденія цѣнностей отъ религіи „человѣчества“ Конта и отъ „богочеловѣчества“ Маликова . . . . . 58—73

I.

Какъ ни своеобразны, какъ ни необыкновенны проявленія религіозной жизни, они являются для естествоиспытателя ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ проявленій жизни вообще, какъ проявленіе душевной жизни. Съ этой точки зрѣнія ихъ изучаетъ то направленіе науки, которое носитъ названіе религіозной психологіи и которое своимъ началомъ и разцвѣтомъ обязано преимущественно американскимъ ученымъ. Представители этого направленія, какъ естествоиспытатели, наблюдаютъ явленія религіозной жизни, стараются открыть между отдѣльными проявленіями взаимную зависимость, а также стараются выяснитъ ихъ связь съ другими, какъ душевными, такъ и фізіологическими проявленіями жизни человѣка.

Русскій читатель знакомъ съ этимъ направленіемъ, главнымъ образомъ, по книгѣ Джемса „Многообразіе религіознаго опыта“¹⁾, представляющей собою въ высшей степени интересное явленіе научной литературы. Но, основнымъ сочиненіемъ въ этой области нужно считать книгу американскаго ученаго Старбека „Религіозная психологія“²⁾,

---

1) В. Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. Пер. подъ редакціей С. Лурье. Изданіе журнала „Русская Мысль“. М. 1910.

2) E. D. Starbuck. Religionspsychologie. Deutsch von F. Beta. Philosophisch-soziologische Bücherei. Bd. XIV. Verlag von W. Klinkhardt. Leipzig. 1909.

которая, кажется, не переведена на русский языкъ и перевод которой былъ бы въ высшей степени желателенъ.

Методъ изслѣдованія Старбека — анкета: онъ разослалъ большое количество листовъ съ вопросами, касающимися явленій религіозной жизни и выводы его получены изъ разработки этихъ отвѣтовъ.

Проявленіе религіозной жизни, съ изученія котораго Старбекъ начинаетъ свое изслѣдованіе, есть, такъ называемое, „обращеніе“ — нѣчто очень чуждое нашей жизни, извѣстное у насъ больше по наслышкѣ, но играющее большую роль въ жизни религіозныхъ сектъ англичанъ и американцевъ. Это внезапный, необыкновенно интензивный душевный переворотъ, внезапное пробужденіе сильныхъ религіозныхъ чувствъ и настроеній вмѣстѣ съ преобразованіемъ всего міросозерцанія. Классическимъ, извѣстнымъ всѣмъ, примѣромъ можетъ служить обращеніе Савла на пути въ Дамаскъ.

Матеріаль, которымъ пользовался Старбекъ, состоялъ изъ отвѣтовъ, полученныхъ отъ 254 женщинъ и 235 мужчинъ. Прежде всего Старбекъ ставитъ себѣ задачей посмотреть, какъ распредѣляются случаи обращеній по отдѣльнымъ годамъ возраста изслѣдуемыхъ. Оказывается, что обращенія наблюдаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ между 10 и 25 годами жизни. Число случаевъ обращеній внѣ этихъ границъ незначительно и случайно. „Это значитъ, говоритъ Старбекъ, что обращеніе есть явленіе, характеризующее юношескій возрастъ.“ Внутри этихъ предѣловъ случаи обращеній распредѣляются по годамъ неравномѣрно: они начинаютъ появляться около 7—8 лѣтъ, постепенно возрастаютъ въ числѣ къ 10—11 годамъ, затѣмъ быстро начинаютъ учащаться къ 16-ти годамъ, отъ этого возраста они быстро убываютъ къ 20 годамъ, а затѣмъ постепенно еще болѣе уменьшаются въ числѣ и дѣлаются рѣдкими послѣ 30 лѣтъ. Можно сказать: если обращеніе

не наступило раньше 20 лѣтъ, то мало вѣроятности, что оно вообще у этого человѣка наступитъ. Но, кромѣ того наблюдается, что во время юношескаго возраста въ опредѣленные годы случаи обращеній встрѣчаются значительно чаще, чѣмъ въ остальные, и что это распредѣленіе по годамъ не одинаково у мужчинъ и женщинъ. Обращеніе въ общемъ бываетъ у женщинъ раньше, чѣмъ у мужчинъ, чаще всего между 13 и 16 годами. У мальчиковъ же оно бываетъ на 17-томъ году или непосредственно раньше или позже¹⁾. Если попытаться графически изобразить распредѣленіе отдѣльныхъ случаевъ обращенія по годамъ, то получатся въ общихъ чертахъ слѣдующія двѣ кривыя. Кривая у дѣвочекъ начинается свой подъемъ значительно раньше, чѣмъ у мальчиковъ, и представляетъ собою, если мы не будемъ обращать вниманіе на отдѣльные зубцы, волну съ тупой вершиной. У мальчиковъ же подъемъ кривой начинается въ болѣе позднемъ возрастѣ и она представляетъ собою острую вершину, по обѣимъ сторонамъ которой кривая быстро падаетъ.

Какъ мы сказали выше, работа Старбека представляетъ много интересныхъ деталей и сопоставленій распредѣленія религіознаго обращенія по возрастамъ съ другими проявленіями душевной жизни; интересующихся этимъ мы отсылаемъ къ его книгѣ. Но, остановимся на томъ, что представляетъ для насъ наибольшій интересъ. Кривыя распредѣленія обращеній по годамъ у мальчиковъ и дѣвочекъ совпадаютъ съ кривыми прибавокъ вѣса тѣла и роста у нихъ же по отдѣльнымъ годамъ. Такъ дѣвочки особенно прибавляются въ вѣсѣ отъ 10—11 лѣтъ до 13, послѣ чего быстрота прибавки вѣса замедляется. Если эту кривую сопоставить съ кривой распредѣленія у дѣвочекъ частоты обращеній, то эти обѣ кривыя на промежуткѣ отъ 9 до 15

1) Starbuck, I. c., p. 29.

лѣтъ почти вполнѣ совпадаютъ. Сходство настолько значительно, что заставляетъ предполагать связь между этими двумя рядами явленій. Точно также сходны кривыя распределенія обращеній и кривыя прибавокъ вѣса и роста у мальчиковъ. Это даетъ возможность Старбеку предположить существованіе закона, по которому періодъ наибольшаго роста организма есть время, когда наиболѣе часто наступаютъ религіозныя обращенія ¹⁾. Это совпаденіе даетъ возможность заключить, что пробужденіе религіозной жизни есть одна изъ функцій организма, находящаяся въ связи съ другими проявленіями его жизни. ?!

Что же такое представляетъ собою это обращеніе съ психологической точки зрѣнія. Въ значительной части случаевъ, какъ описываютъ Старбекъ и Джемсъ, ему предшествуетъ тяжелое угнетенное состояніе духа — сознаніе своего ничтожества, своей нравственной негодности, сознаніе беспомощности и покинутости. Это подавленное состояніе въ дальнѣйшемъ смѣняется рѣзкимъ переходомъ къ противоположному ощущенію избытка силъ, сознанію присутствія въ себѣ Божественной силы и преисполненности радостью. Вотъ примѣръ рѣзкой смѣны подавленнаго душевнаго состоянія противоположнымъ душевнымъ состояніемъ, взятый изъ книги Джемса: „Во вторникъ вечеромъ, я сидѣлъ въ одномъ изъ гарлемскихъ кабачковъ; я былъ бездомный пьяницей, лишенный друзей, дошедшій почти до полной гибели. Я продалъ или заложилъ все, что могъ и пропилъ деньги. Я не могъ уже заснуть, чтобы не напиться предварительно до потери сознанія. Были дни, когда я ничего не ѣлъ, а четыре ночи передъ этимъ, начиная съ полуночи, я страдалъ бѣлой горячкой. Часто я повторялъ себѣ: я ни за что не стану бродягой, не дойду до этой крайности, потому что сумѣю, когда понадобится найти

1) Starbuck, I. c., p. 40.

пріютъ на днѣ рѣки. Но Господь захотѣлъ, чтобы у меня не хватило силы сдѣлать и четверти пути до рѣки, когда такая минута пришла. Я сидѣлъ, погрузившись въ раздумье, и вдругъ ясно почувствовалъ въ себѣ чье-то великое и могущественное присутствіе. Тогда я не зналъ, что это было. Только позже я понялъ, что это былъ Иисусъ, другъ грѣшниковъ...“¹⁾ Тяжелое, угнетенное состояніе духа предшествовало кризису и у Льва Николаевича Толстого. Примѣръ Толстого и примѣръ, взятый отъ Джемса, касаются случаевъ обращеній въ зрѣломъ возрастѣ. Но, мы можемъ найти у Старбека много характеристикъ тяжелаго душевнаго состоянія во время, предшествующее обращенію, полученныхъ анкетой отъ молодежи. Такъ, дѣвочка 13-ти лѣтъ говоритъ: „Думать о моемъ положеніи было ужасно.“ Дѣвушка 16-ти лѣтъ: „Днями и ночами мой духъ былъ въ безпокойствѣ.“ Дѣвушка 16-ти лѣтъ: „Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Духъ Божій, казалось, отвернулся отъ меня. Впереди, казалось, для души предстоить безнадежность. Страхъ овладѣлъ мной. Одну недѣлю я была на краю отчаянія.“ Дѣвушка 18-ти лѣтъ: „Годами я страдала, желая сдѣлаться христіанкой и, не зная, какимъ образомъ осуществить это.“ Дѣвушка 16-ти лѣтъ: „У меня было ужасное чувство безпомощности.“²⁾ Изслѣдованіе Старбека было бы въ высшей степени интересно сопоставить съ вопросомъ о самоубійствахъ среди школьной молодежи. Вѣроятно, значительная часть этихъ самоубійствъ происходитъ на почвѣ глубокаго душевнаго перелома, происходящаго, какъ видно изъ изслѣдованія Старбека, въ этомъ возрастѣ.

Само обращеніе въ своихъ самыхъ яркихъ и выраженныхъ формахъ характеризуется не только наступленіемъ блаженнаго радостнаго чувства, не только тѣмъ, что обра-

1) В. Джемсъ. *Loc. cit.*, p. 191.

2) E. Starbuck, *l. c.*, p. 65.

щенный сознаеть, что въ немъ дѣйствуетъ какая то новая могучая Сила, но и въ самомъ себѣ онъ чувствуетъ приливъ силъ, рвущихся проявиться. Старбекъ, поэтому, говоритъ, что „обращеніе“ есть рожденіе новыхъ силъ.

Приведемъ для иллюстраціи душевнаго состоянія „обращеннаго“ нѣсколько выписокъ изъ анкетныхъ листовъ Старбека. Такъ, мальчикъ 15-ти лѣтъ пишетъ: „Я чувствовалъ, что я принадлежу къ новой категоріи существъ, болѣе благородной и достойной существованія.“ Дѣвочка 12-ти лѣтъ: „Библия сдѣлалась для меня новой книгой. Я читала ее съ радостью и чувствовала, что всѣ ея заповѣди, предписанія и увѣщанія всѣ для меня.“ Мальчикъ 15-ти лѣтъ: „Я чувствовалъ, что Богъ мой отецъ, а Христосъ мой старшій братъ и Спаситель.“¹⁾ Вотъ выписки, указывающія на пробужденія новыхъ силъ: дѣвочка 12-ти лѣтъ говоритъ: „Я шла рассказывать каждому о Христѣ и получила силу говорить о немъ, какой раньше у меня никогда не было. Казалось, я сдѣлалась новымъ созданіемъ.“ Дѣвочка 12-ти лѣтъ: „Я хотѣла помочь завоевать другихъ, чтобы и они пришли.“ Мальчикъ 14-ти лѣтъ: „Я чувствовалъ, что моя жизнь посвящена духовной дѣятельности.“²⁾ Душевная радость и спокойствіе видны изъ словъ другой дѣвушки 17-ти лѣтъ: „Внезапный миръ и спокойствіе, наступающіе послѣ обращенія, казалось, сходили на меня. Я чувствовала себя вполне, совершенно и спокойно счастливой.“ Дѣвушка 18-ти лѣтъ: „Счастье было интензивно. Я бы хотѣла пѣть, но во всемъ домѣ царилла тишина,“³⁾ и. т. д.

Характерной чертой „обращенія“ является расширеніе кругозора и интересовъ обращеннаго. Въмѣсто мелкихъ эгоистическихъ интересовъ обращенный сразу чувствуетъ

1) Starbuck, l. c. p. 129.

2) Ibidem, p. 142.

3) Ibidem, p. 131.

себя въ кругу широкихъ социальныхъ, этическихъ и религиозныхъ задачъ. Онъ чувствуетъ себя частью великаго цѣлаго, обнимающаго все, доступное для него, представление о человѣчествѣ и Богѣ. Обращенный дѣлается сосредоточенъ стремленій, направленныхъ на благо другихъ людей. . . Вотъ примѣры изъ анкеты. Мальчикъ 15-ти лѣтъ говоритъ: „Главнѣйшее измѣненіе произошло въ моемъ самомъ внутреннемъ стремленіи. Я уже больше не былъ эгоистомъ, преобразование не было полнымъ, но на лице было глубокое внутреннее теченіе безкорыстія.“ Дѣвушка 12-ти лѣтъ: „Преобразование сдѣлало меня очень любящей, тогда, какъ раньше я была холодна къ своимъ родителямъ.“ Юноша 18-ти лѣтъ: „Мое стремленіе гнаться за мірскими богатствами превратилось въ стремленіе спасать другихъ. Я даже попадалъ въ просакъ изъ за любви къ ближнему.“¹⁾

Очень интересно то обстоятельство, что процессъ обращенія происходитъ самопроизвольно, независимо отъ волевыхъ усилій человѣка, въ которомъ онъ проявляется. Мало того наблюденія показали, что напряженія воли не только въ этомъ случаѣ не помогаютъ выйти изъ тяжелаго состоянія кризиса, а наоборотъ, скорѣе мѣшаютъ наступленію желаннаго момента обращенія. По крайней мѣрѣ представители тѣхъ сектъ, среди которыхъ особенно часто встрѣчаются случаи обращеній, прямо рекомендуютъ адептамъ во время кризиса относиться къ протекающимъ въ душѣ тяжелымъ переживаніямъ пассивно, не дѣлать усилій воли, чтобы выйти изъ тяжелаго настроенія и въ такомъ случаѣ кризисъ кончается гораздо легче и скорѣе.

Что же такое представляетъ собою процессъ „обращенія“ съ точки зрѣнія физиологической психологіи? Старбекъ совершенно правильно представляетъ его себѣ, какъ отраженіе въ области сознанія процесса быстрой перестройки

1) Starbuck, l. c., p. 138.

функцій нервной системы индивидуума. На своей первоначальной стадіи психическій міръ индивидуума обусловливался дѣятельностью сравнительно болѣе простыхъ и низшихъ нервныхъ центровъ. Въ виду этого и душевный строй былъ слабѣе и бѣднѣе. Въ моментъ обращенія начинаютъ функціонировать новые высшіе нервные центры. Въ результатѣ происходитъ образованіе новаго Я, измѣненіе пункта ориентировки для душевныхъ состояній.¹⁾ Съ точки зрѣнія развитія здѣсь самое важное распаденіе узкой системы, какую представляло собою прежнее Я, поднятіе личности въ жизнь соціальнаго цѣлаго, выходъ изъ самаго себя въ направлении Любви и Симпатіи, какъ общественныхъ факторовъ; соприкосновеніе и соединеніе съ силой, которая ведетъ къ справедливости, однимъ словомъ разбитіе рамокъ старой личности и рожденіе къ высшей жизни.

Въ прежнее время говорили по поводу этого пробужденія новыхъ силъ и стремленія къ дѣятельности, что „личность родилась въ Духъ“ или что это произошло „вслѣдствіе Силы сверху“. И это вѣрно, по мнѣнію Старбека, съ точки зрѣнія фізіологіи: получается впечатлѣніе, какъ будто бы мозговья полушарія были до того во снѣ и теперь сразу проснулись для дѣятельности, какъ будто бы ихъ накопленная энергія сразу освободилась и начинаетъ проявляться. Ростъ сознанія въ общемъ параллеленъ съ развитіемъ въ головномъ мозгу ассоціаціонныхъ путей, которые соединяють различные центры психической дѣятельности. При „обращеніи“ дѣло происходитъ такъ, какъ будто сразу начинаютъ функціонировать нервные пути, объединяющіе разьединенные до того центры. Нервные пути для этой цѣли существовали уже въ организмѣ, но они не функціонировали, а тутъ они сразу начинаютъ работать. Когда въ нервной системѣ начинаетъ функціонировать нервный аппаратъ, заложенный въ

1) Starbuck, l. c., Bd. I, p. 141.

ней уже съ рожденія, но бездѣйствовавшій до того, сознание не можетъ воспринять это иначе, какъ въ формѣ интенсивнаго ощущенія новой Силы, которая начала дѣйствовать въ этомъ субъектѣ.

Какой бы рѣзко выраженный религіозный характеръ не имѣло т. н. „обращеніе“ и какъ бы рѣзко оно не отличалось отъ обыденныхъ проявленій душевной жизни, Старбекъ совершенно правъ, утверждая, что тѣмъ не менѣе „обращеніе“ имѣетъ массу общихъ чертъ съ явлениями обыденной жизни. Такъ, на примѣръ, обычно видимъ мы, какъ у человѣка, вращающагося въ опредѣленномъ обществѣ, понемногу накапливаются впечатлѣнія, свидѣтельствующія о бесполезности и даже вредѣ для него общества этихъ людей. Онъ чувствуетъ себя подавленнымъ, увлекаемымъ различными настроеніями: съ одной стороны старыя привычки влекутъ его по прежнему въ это общество, съ другой стороны по немногу вакапливаются впечатлѣнія, направляющія его въ другую сторону. Часто это тягостное настроеніе сразу оканчивается кризисомъ: какое нибудь случайное слово или обстоятельство производитъ въ душѣ его переворотъ, заставляетъ сразу разорвать съ прошлымъ и пойти новой дорогой.

То, что „обращеніе“ представляетъ собою душевный процессъ, характеризующій переходъ отъ юношества къ взрослому состоянію и имѣющій самое широкое распространеніе, подтверждается наличностью у самыхъ разнообразныхъ народовъ на различныхъ ступеняхъ культуры извѣстныхъ торжественныхъ обрядовъ, отмѣчающихъ наступленіе взрослого возраста. У дикарей сюда относятся выбиваніе зубовъ, различныя мучительства, которымъ подвергается юноша во время празднествъ, знаменующихъ его вступленіе въ ряды взрослыхъ мушнѣ. Въ западныхъ церквахъ этотъ переходъ знаменуется торжественнымъ празднованіемъ „конфирмаціи“ и „перваго причастія“.

Для насъ, въ Россіи, эти явленія „обращенія“ явля-

ются чѣмъ то совершенно чуждымъ и исключительнымъ. Поэтому намъ особенно интересна другая часть изслѣдованія Старбека, посвященная изученію явленій постепеннаго расширенія религіознаго міросозерцанія, въ видѣ постепеннаго пробужденія религіозныхъ, этическихъ и общественныхъ тенденцій. Эта часть работы произведена имъ тѣмъ же способомъ, т. е. путемъ листковъ, заключавшихъ въ себѣ вопросы относительно времени появленія религіозныхъ стремленій, обстоятельствъ, предшествующихъ и сопутствующихъ ихъ пробужденію, а также благопріятствовавшихъ и мѣшавшихъ этому пробужденію.

Особенно интересно для насъ отмѣтить, что совершенно въ соотвѣтствіи съ явленіями „обращенія“ и постепенное пробужденіе религіозной жизни есть явленіе преимущественно юношескаго возраста. Конечно, и въ болѣе поздніе годы бываютъ случаи пробужденія религіознаго чувства, такъ среди приславшихъ свои отвѣты на анкету, въ одномъ случаѣ, у мужчины, пробужденіе религіознаго чувства наступило на пятьдесятъ пятомъ году. Но это — единицы, громадное большинство религіозныхъ пробужденій падаетъ на юношескіе годы. Притомъ, необыкновенно интересно то обстоятельство, что кривыя распредѣленія пробужденій религіознаго чувства по возрастамъ почти совершенно совпадаютъ съ кривыми числа обращеній, которыя мы описывали выше... Точно такъ же, какъ и тамъ, кривыя для дѣвочекъ и мальчиковъ имѣютъ каждая свою постоянную типичную форму¹⁾ и здѣсь мы имѣемъ сходство этихъ кривыхъ съ соотвѣтствующими кривыми прибавокъ вѣса и роста.

Соотвѣтственно тяжелому душевному состоянію во время кризиса передъ „обращеніемъ“ и здѣсь наблюдаются періоды угнетенія и сомнѣнія, не смотря на то, что душев-

1) Starbuck, T. II, l. c., p. 218.

ный переворотъ въ этомъ случаѣ совершается болѣе постепенно. Старбекъ предполагаетъ, что наличность тяжелой внутренней борьбы, путемъ которой перерабатывается душевная жизнь, является полезнымъ качествомъ, выработаннымъ благодаря подбору у предковъ и перешедшимъ къ потомству. То, что мы наблюдаемъ у юности, есть, какъ мы уже излагали выше, ни что иное, какъ переходъ отъ болѣе простой и бѣдной психической жизни къ болѣе сложной, охватывающей широкія соціальныя отношенія, и въ высшей степени желательно, говоритъ Старбекъ, чтобы это преобразование происходило въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ болѣе активнымъ образомъ, чтобы личность не пассивнымъ образомъ воспринимала въ себя болѣе широкое міросозерцаніе, а активно путемъ борьбы выработывала себѣ его. Нужно предполагать, что послѣднимъ путемъ выработываются болѣе цѣнныя личности. Этимъ мы закончимъ обзоръ работы Старбека. Самое цѣнное, что мы въ ней почеркнули для нашихъ дальнѣйшихъ построеній, это то, что религіозныя переживанія не являются чѣмъ то обособленнымъ, оторваннымъ, самостоятельнымъ по отношенію къ другимъ проявленіямъ жизни человѣческаго организма. Казалось бы, такое явленіе, какъ перемѣна религіознаго міросозерцанія, есть нѣчто, главнымъ образомъ, связанное съ внѣшними условіями жизни человѣка: съ обстановкой, въ которой онъ находится, съ людьми, съ которыми онъ встрѣчается, съ книгами, которыя случайно попадаютъ къ нему подъ руку. Такимъ образомъ мы ожидали бы встрѣтить самое неправильное распредѣленіе случаевъ пробужденія религіознаго чувства по различнымъ возрастамъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: мы видѣли, что это распредѣленіе по годамъ отличается необыкновенной правильностью и постоянствомъ. Слѣдовательно, это пробужденіе есть результатъ, главнымъ образомъ, внутренней жизни индивидуума. Сходство и даже совпаденіе кривыхъ распредѣ-

ленія случаевъ пробужденія религіознаго чувства по возрастамъ съ кривыми прибавки вѣса и роста доказываютъ, что пробужденіе религіознаго чувства есть въ сущности явленіе, имѣющее глубокое біологическое значеніе. Проявленіе этой области душевной жизни совпадаетъ по времени съ разцвѣтомъ вообще жизненныхъ функцій организма и представляетъ собою начало проявленія дѣятельности вышнихъ отдѣловъ нервной системы. Какъ бы не отличались проявленія религіозной жизни отъ проявленій жизни фізіологической, изслѣдованія Старбека показываютъ намъ, что тѣ и другія представляютъ собою только отдѣльныя звѣнья въ ряду проявленій жизни.

II.

Факты, приводимые Старбекомъ, также показываютъ, какъ тѣсно религіозныя проявленія переплетаются съ явленіями моральной и соціальной жизни. Гдѣ же между ними поставить границу? Что же такое въ сущности религія? Извѣстно, какое множество разнообразныхъ отвѣтовъ существуетъ на этотъ вопросъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Для Шлейермахера религія состоитъ въ сознаніи чувства зависимости человѣка отъ Верховнаго существа. Согласно Гюйо, религія выражаетъ идею общественной связи между человѣкомъ и верховными силами. Человѣкъ, говоритъ Гюйо, тогда дѣлается истинно религіознымъ, когда онъ ставитъ надъ обществомъ людей, среди которыхъ онъ живетъ, другое общество болѣе могущественное и возвышенное, такъ сказать, общество-космическое, всеобщее... Существо религіозное это такое, которое способно вступать въ общественныя связи не только со всѣмъ живымъ, извѣстнымъ намъ изъ опыта, но и съ тѣми существами, которыми мысль населяетъ міръ¹⁾. Согласно Дюркгейму ре-

1) Guyau. L'irreligion de l'avenir. Paris, 1890, Introduction, p. I—II.

лигія это замкнутая система вѣрованій и предписаній, которыя объединяють въ одно нравственное сообщество, называемое церковью, всѣхъ тѣхъ, кто къ нему принадлежитъ 1).

Дж. Леуба приводит слѣдующій примѣръ для иллюстраціи мѣста, которое занимаетъ религія въ ряду различныхъ формъ отношенія человѣка къ окружающему... Кочегаръ въ трюмѣ судна подбрасывающій уголь въ топку, представляетъ одну изъ формъ этихъ отношеній. Его цѣль произвести двигающую впередъ судно силу. Количество угля, которое онъ подбрасываетъ вмѣстѣ съ токомъ воздуха въ зависимости отъ состоянія котла и другіе факторы того же рода опредѣляютъ, какъ онъ понимаетъ дѣло, скорость передвиженія судна. Тотъ же человѣкъ вечеромъ, играя въ карты и потерпѣвъ проигрышъ нѣсколько разъ подрядъ, встанетъ и задомъ обойдетъ вокругъ стола для того, чтобы привлечь на свою сторону счастье. Это будетъ примѣръ второго способа отношенія къ дѣйствительности. Наконецъ, если буря будетъ грозить потопить судно, этотъ же человѣкъ упадетъ на колѣни, поднявъ свои руки къ небу, и обратится съ горячей мольбой къ невидимому существу. Вотъ три различныхъ способа реагировать, которымъ онъ научился, вотъ три пути, по которымъ онъ стремится воспользоваться силами внѣ его въ своей борьбѣ за сохраненіе и обогащеніе жизни. Эти три формы поведенія обусловлены тремя различными представленіями о силѣ, могутъ быть по Лейба названы: 1) механической способъ, 2) принудительный или магическій и 3) антропатическій, въ который входитъ и религія 2).

Какъ извѣстно, религія первоначально заключала въ

1) E. Durkheim. Les formes élémentaires de la vie religieuse, le système totémique en Australie. Paris. Alcan. 1912, p. 65.

2) J. Leuba. A psychological study of religion. New York, the Macmillan Co, 1912, p. 4.

себѣ всю науку и всю философію и только впоследствии послѣднія начали отдѣляться отъ нея и этотъ процессъ еще не вполне завершенъ и до настоящаго времени. Поэтому въ каждой религіозной системѣ заключается большой запасъ объясненій окружающаго, космологическихъ и метафизическихъ построеній, но во всякомъ случаѣ религіозныя проявленія ни въ какомъ случаѣ не относятся къ чисто познавательнымъ функціямъ душевной жизни. Заслуга Шлейермахера заключается въ томъ, что онъ вполне рѣзко отдѣлилъ въ этомъ смыслѣ религію отъ метафизики. Но, хотя чувство является яркою и важною составною частью религіозныхъ переживаній, не чувство все таки характерно для нихъ. Непременною частью религіозныхъ переживаній являются волевые импульсы.

Ясную и опредѣленную характеристику религіозныхъ явленій мы находимъ у Гефдингга, по которому основной чертой всякой религіи является принципъ сохранения цѣнности¹⁾. Возьмемъ любого человѣка; присущее ему стремленіе къ жизни выражается въ немъ въ цѣломъ рядѣ оцѣнокъ съ его личной точки зрѣнія окружающаго: къ одному онъ будетъ стремиться, другого избѣгать. Все это въ концѣ концовъ сложится для него въ систему, которая, если онъ жизнеспособенъ, будетъ окрашена въ болѣе или менѣе яркій оттѣнокъ желательности жизни. Но, разбирая въ частностяхъ, изъ чего сложена эта система, выражающая смыслъ жизни для этого человѣка, мы увидимъ, что она не построена цѣликомъ изъ фактовъ, изъ которыхъ съ необходимостью вытекалъ бы желанный выводъ. Въ это построеніе всегда входятъ, болѣе или менѣе ярко выраженные, утвержденія, что такъ должно быть, что иначе не можетъ быть, если дѣйствительно стоитъ жить. Вотъ это

1) Гефдинггъ. Философія религіи. Переводъ В. Базарова и И. Степанова. СПб. 1912, стр. 14.

утвержденіе цѣнностей и составляетъ характерную черту религіозныхъ переживаній.

Оно построено на вѣрѣ, т. е. на живомъ признаніи правильности такихъ выводовъ, которые не могутъ быть логически обоснованы и только необходимы для обоснованія нашего міросозерцанія, необходимы человѣку для того, чтобы дать ему оправданіе его жизни. Возьмемъ примѣръ, приведенный выше: человѣкъ находится на кораблѣ во время бури, у него страстное стремленіе жить, а корабль гибнетъ и онъ обращается съ мольбою къ существу, которое должно его спасти, такъ какъ онъ не хочетъ умирать. Несомнѣнно, что волевой импульсъ — признаніе силой воли существующимъ то, что согласно желаніямъ должно существовать — не можетъ не быть ярко окрашеннымъ чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ и правъ былъ Шлейермахеръ, когда указывалъ на выдающуюся роль чувства въ религіозныхъ переживаніяхъ въ противоположность тѣмъ философамъ, которые видѣли въ религіи только систему понятій, объединяющую міръ въ одно цѣлое. Но, въ знаменитой идеѣ Шлейермахера, говоритъ Гефдингъ, — что религія сводится къ чувству зависимости — недостаточно опредѣленно выражена та мысль, что зависимость эта обусловливается активностью и что она выступаетъ именно на границѣ активности. И дальше съ недостаточною выпуклостью выражена мысль, что зависимость начинаетъ чувствоваться въ борьбѣ за тѣ цѣнности, которыя человѣку представляются высшими ¹⁾.

Можетъ быть, многіе возразятъ, что яркое религіозное чувство нерѣдко наблюдается у слабыхъ, прозябающихъ въ матеріальной и духовной нищетѣ, людей или у старухъ, едва связанныхъ съ жизнью. Но и въ этомъ случаѣ религіозное чувство есть выраженіе страстнаго желанія жить и въ этомъ случаѣ оно обязано въ значительной степени

1) Гефдингъ, I. с., р. 110.

своей силой тому обстоятельству, что вслѣдствіе бѣдности психики и скудости реальныхъ опоръ все стремленіе къ жизни опирается на религіозныя построенія.

Справедливость той точки зрѣнія, что характернѣйшей чертой религіи есть утвержденіе цѣнности, можно выяснить также на разборѣ отдѣльныхъ религій. Такъ, въ религіи древнихъ евреевъ мы имѣемъ вѣру въ національнаго бога, который непрестанно заботится о своемъ народѣ, уничтожаетъ его враговъ, ведетъ чрезъ пустыню къ обѣтованной землѣ и, наказуя, исправляетъ свой народъ. Для отдѣльнаго человѣка этотъ богъ является опорой увѣренности, что слѣдствіемъ праведной жизни будетъ для него долготѣіе и счастье и безчисленное потомство.

Такъ, о греческой религіи Нитцше говоритъ: „Грекъ зналъ и воспринималъ страхъ и ужасъ существованія: для того, чтобы все таки онъ могъ жить, долженъ былъ онъ имъ противопоставить блестящій, рожденный въ мечтахъ. образъ олимпійскихъ боговъ.“¹⁾ Въ буддизмѣ мы имѣемъ другое разрѣшеніе той же задачи. Здѣсь челоѣкъ еще ярче чувствуетъ бездну горя, разлитаго въ мірѣ и вытекающаго изъ стремленія къ жизни и связаннаго съ этимъ стремленіемъ. Здѣсь исходъ найденъ въ вѣрѣ въ возможность освободиться отъ горя, освободившись отъ всѣхъ челоѣческихъ стремленій и освобожденія этого добиваются съ энтузіазмомъ. Согласно этой религіи челоѣкъ долженъ проникнуться сознаніемъ тщеты всего земнаго и погрузиться въ нирвану, которая отнюдь не однозначуща съ уничтоженіемъ — челоѣкъ долженъ познать вѣчное²⁾.

Наконецъ, возьмемъ одну изъ самыхъ элементарныхъ формъ религій: тотемизмъ, какъ его описываетъ Дюркгеймъ. Согласно этому автору здѣсь мы имѣемъ систему, въ ко-

1) F. Nietzsche. Werke. Taschen-Ausgabe. Bd. I. Die Geburt der Tragödie. Leipzig. Naumann's Verlag. 1906, S. 63.

2) Гефдингъ, I. с., стр. 215, 219.

торой центральное мѣсто занимають тѣ душевныя переживанія, которыя выражаются въ подъемѣ душевныхъ силъ, подъемѣ самочувствія, наступающихъ всегда, когда люди, проводящіе обычно жизнь по одиночкѣ или небольшими группами, собираются вмѣстѣ цѣлымъ племенемъ. На этой ступени развитія, по Дюркгейму, люди обоготворяютъ не силы природы, не души предковъ, а тотъ подъемъ силъ и энергіи, который проистекаетъ отъ ихъ общенія съ своими сородичами. Но, такъ какъ на такой первобытной ступени развитія для человѣка нѣтъ никакой возможности ясно формулировать себѣ, что это за сила, благодѣтельное вліяніе которой онъ на себѣ чувствуетъ, то онъ боготворитъ здѣсь эмблему своего рода, тотемъ, боготворитъ животное, которое служить этой эмблемой, и изображеніе этой эмблемы, какимъ бы образомъ оно не было воспроизведено. Когда человѣкъ съ выраженіемъ страстнаго благоговѣнія, какъ предметъ, обладающій невѣроятной силой переноситъ деревянную палочку, на которой сдѣлано нѣсколько зарубокъ, мы имѣемъ передъ собою тотъ же фактъ религіознаго утвержденія цѣнности. Къ этому явленію, какъ бы чуждо оно не было для насъ, мы должны относиться съ глубокимъ уваженіемъ: первобытному человѣку исключительно трудно бороться за жизнь и вотъ онъ нашелъ себѣ предметъ, который доставляетъ ему и пищу, и спасаетъ отъ враговъ и отъ враждебныхъ силъ, окружающихъ его.

Та формулировка сущности религіи, которая приведена выше и согласно которой религія есть утвержденіе или сохраненіе цѣнностей, несомнѣнно ведетъ свое начало отъ Фейербаха. Основаніемъ религіи Фейербахъ признаетъ чувство зависимости; первоначальный источникъ этой зависимости — природа; поэтому природа является первымъ объектомъ религіи¹⁾. Это чувство зависимости человѣка отъ

1) L. Feuerbach. Vorlesungen über das Wesen der Religion. Stuttgart, 1908, S. 31.

природы вызывается прежде всего всякими грозными, гибельными для человѣка, явленіями, какъ бурей, грозой, наводненіями и т. п., далѣе страхомъ смерти. Если бы человѣкъ не умиралъ, еслибы онъ вѣчно жилъ, еслибы такимъ образомъ не было смерти, говоритъ Фейербахъ, то не было бы и религіи. Нѣтъ ничего могущественнѣе человѣка, говоритъ въ Антигонѣ Софокль, онъ переплываетъ моря, взрываетъ землю, смиряетъ животныхъ, защищаетъ себя противъ жары и дождя, противъ всего знаетъ онъ средства, — только смерти онъ не можетъ избѣжать. Такимъ образомъ смерть есть главнѣйшій источникъ религіознаго чувства, такъ какъ она сильнѣе всего показываетъ нашу зависимость отъ силъ, лежащихъ внѣ насъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ Фейербахъ, религія не есть просто чувство зависимости; послѣднее представляетъ исходный пунктъ религіи, ея фундаментъ, ея основу, но оно не составляетъ всего въ ней, такъ какъ въ то же время человѣкъ ищетъ въ религіи средства противъ того, зависимость отъ чего онъ чувствуетъ. Такъ, противъ смерти орудіемъ является вѣра въ безсмертіе¹⁾). Желая бороться съ окружающими его враждебными силами, человѣкъ создаетъ вокругъ себя и для себя боговъ. Боги могутъ быть самые разнообразныя, но причина ихъ обожанія, принципъ ихъ божественности, то, что дѣлаетъ ихъ богами есть ихъ польза, ихъ благодѣянія, это — человѣческій эгоизмъ, такъ какъ, если я прежде всего не люблю себя, не боготворю себя, какъ могъ бы я любить и боготворить то, что для меня полезно и благодѣтельно?²⁾

Что же за причина, говоритъ Фейербахъ въ другомъ мѣстѣ, что люди считаютъ богами раковины, улитокъ, клещни раковъ, флаги и вымпела? Это происходитъ благо-

1) Feuerbach, I. c., p. 41—42.

2) Ibidem, p. 66.

даря фантазіи, силы воображенія, которыя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше невѣжественность людей¹⁾. Она заставляетъ людей считать эти предметы не за то, что они есть. Такимъ образомъ, если основой религіи является чувство зависимости, то теоретической причиной, источникомъ ея и ея объекта — бога является фантазія, сила воображенія. Въ дальнѣйшемъ онъ прибавляетъ, что религія есть не только продуктъ силы воображенія, не только дѣло чувства, но и результатъ способности настоятельно желать, стремленія и желанія человѣка удалять непріятныя чувства и доставлять себѣ пріятныя, добывать себѣ то, чего у него нѣтъ, но что имѣть онъ желалъ бы, и избавиться отъ того, что имѣется, но отъ чего онъ хотѣлъ бы избавиться . . . религія есть результатъ стремленія къ счастью²⁾. Наконецъ, Фейербахъ говоритъ: „то, что человѣкъ желаетъ, необходимо для себя желаетъ — необходимо съ той точки зрѣнія, на которой онъ стоитъ — въ то онъ вѣритъ“³⁾. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ отрывковъ мы видимъ, что точку зрѣнія Фейербаха можно резюмировать такимъ образомъ, что религія есть сохраненіе или утвержденіе цѣнностей.

Гефдингъ признаетъ высокое значеніе Фейербаха для пониманія религіи: „Уже за полъ вѣка, говоритъ онъ, Людвигъ Фейербахъ, утверждалъ, что при изученіи религіи психологическій методъ вполне достаточенъ, что религія есть не что иное, какъ психологическій продуктъ, — что вся теологія есть психологія“⁴⁾. Но, Гефдингъ ставитъ Фейербаху, по моему мнѣнію, не совсѣмъ справедливо, въ упрекъ, будто Фейербахъ, открывши, что психологія составляетъ въ религіи существенный факторъ, уже склоненъ превратить его въ единственный, сдѣлать изъ него все.

1) Feuerbach, I. c., p. 224.

2) Ibidem, p. 249.

3) Ibidem, p. 307.

4) Гефдингъ, I. c., p. 182.

По Гефдингу Фейербахъ не дооцѣниваетъ значенія познанія при образованіи религиозныхъ системъ. По мнѣнію Гефдинга, одна изъ важныхъ сторонъ религіознаго развитія заключается какъ разъ въ несомнѣнномъ вліяніи познанія на чувство. Хотя перевѣсъ несомнѣнно, говоритъ онъ, принадлежитъ элементамъ чувства, все же въ этой области совершается непрекращающееся взаимодействіе¹⁾. Этотъ упрекъ по отношенію къ Фейербаху, по моему мнѣнію, едва ли справедливъ. Въ самомъ началѣ своей книги „Сущность религіи“ въ третьей лекціи Фейербахъ заявляетъ, что теологія есть антропологія и въ то же время фізіологія; фізіологія въ томъ смыслѣ, какой ей придавали древніе, т. е. наука о природѣ вообще. Мнѣ кажется, что нельзя давать такое опредѣленіе теологіи, не признавъ въ то же время большей роли познанія въ образованіи религіозныхъ построеній.

Такимъ образомъ сущность религіи заключается въ утвержденіи цѣнностей; психологическій же процессъ, который при этомъ имѣетъ мѣсто, носитъ названіе вѣры. Вѣра есть глубокое, интенсивное убѣжденіе въ правильность извѣстныхъ положеній, которыя или въ данный моментъ, или вообще не могутъ быть обоснованы логическимъ путемъ. „Психологически, говоритъ проф. А. И. Введенскій, и подъ вѣрой, и подъ знаніемъ подразумѣваютъ переживанія увѣренности, т. е. переживанія устраненія сомнѣній. Оттого то сомнѣніе и служитъ такимъ душевнымъ переживаніемъ, которое съ психологической точки зрѣнія составляетъ противоположность, какъ вѣрѣ, такъ и знанію... По своей силѣ, по степени увѣренности, вѣра можетъ иногда нисколько не уступать знанію, можетъ даже превосходить его своей твердостью и непоколебимостью. Словомъ: если бы наряду съ психологіей не было никакого другого изу-

1) Гефдингъ, I. с. р. 183.

ченія душевныхъ явленій, то и не возникли бы понятія вѣры и знанія, а мы довольствовались бы только понятіями увѣренности и сомнѣнія... Разница, продолжаетъ проф. Введенскій, между вѣрой и знаніемъ не психологическая, а гносеологическая (или, если угодно, логическая) и сводится къ тому, чѣмъ именно подавляются сомнѣнія при вѣрѣ и знаніи. При знаніи они подавляются данными опыта (внѣшняго или внутреннаго), либо взятыми въ ихъ чистомъ видѣ, либо переработанными съ помощью апріорныхъ принциповъ знанія, и больше ничѣмъ. Всякое же иное подавление сомнѣнія образуетъ вѣру, такъ что вѣра есть та часть увѣренности вообще, которая остается за вычетомъ знанія¹⁾.

Такимъ образомъ научной логической цѣнности предмета вѣры не имѣютъ, но жизненная цѣна вѣры безгранично велика. Дѣло въ томъ, что въ душевныя переживанія, обозначаемаы терминомъ вѣры, не только входятъ элементы чувства, эмоціи, не только элементы познанія, но и элементы воли. Въ обыденной жизни недостаточно высоко оцѣнивается необходимость наличности интенсивнаго волеваго элемента въ комплексѣ вѣры: сильно вѣрить — это значитъ энергично дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи.

Такъ, Мартинъ Лютеръ говоритъ : „Она (вѣра) не спрашиваетъ, нужно ли дѣлать добрыя дѣла, но прежде чѣмъ просить, уже сдѣлала ихъ и всегда въ дѣйствии. Но кто не дѣлаетъ такихъ дѣлъ, тотъ человѣкъ лишенный вѣры, онъ поступаетъ наобумъ и ищетъ, что такое вѣра и добрыя дѣла и не знаетъ, что это, а болтаетъ много словъ о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ... И такъ столь же невозможно отдѣлить дѣла отъ вѣры, какъ невозможно отдѣлить жаръ и свѣтъ отъ огня“²⁾. Съ

1) Проф. А. И. Введенскій. Логика, какъ часть теоріи познанія. СПб., 1909 стр. 312—313.

2) Luthers Werke. Volksausgabe in acht Bänden. Vierte Folge: Vermischte Schriften. I. Vorrede auf die Epistel S. Pauli an die Römer (1522), S. 18. Berlin. C. Schuktschke und Sohn, 1898.

этой точки зрѣнія формулу: „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что истинная вѣра не можетъ не выражаться въ соответственныхъ поступкахъ.

О вѣрѣ говоритъ проф. П. Соколовъ, что въ ней живетъ вся наша личность въ ея конкретномъ единствѣ: „Какъ нѣтъ музыки безъ звуковъ, такъ нѣтъ вѣры безъ представленій и идей; какъ нѣтъ музыки безъ эстетическаго впечатлѣнія, такъ нѣтъ вѣры безъ чувства реальности; какъ нѣтъ музыки безъ исполненія, такъ нѣтъ вѣры безъ активныхъ проявленій. Эти элементы сливаются въ вѣрѣ въ одно неразложимое цѣлое, и я не могу опредѣлить ее иначе, какъ слѣдующей простой синтетическою формулой: вѣра есть представленіе объекта, соединенное съ чувствомъ его реальности и выражающееся въ соответствующихъ ему стремленіяхъ и актахъ“¹⁾.

Это душевное переживаніе — вѣра обычно связывается только съ религіозными проявленіями душевной жизни и поэтому вѣрѣ отводится обычно особенное, узко ограниченное мѣсто въ жизни человѣка. Для того чтобы выяснить себѣ, какую роль играетъ вѣра вообще, посмотримъ, какая функція у нея въ области, на первый взглядъ, казалось бы, неимѣющей ничего общаго съ вѣрой, а именно, при разработкѣ точной науки. Тотъ, кто знакомится только уже съ готовыми результатами науки по учебникамъ, тотъ можетъ оставаться въ полной увѣренности, что вѣра не играетъ никакой роли при разработкѣ научныхъ вопросовъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ.

Обыкновенно работу ученаго представляютъ себѣ такимъ образомъ, что онъ, изучая явленія своей области наталкивается на обобщенія, которыя кажутся ему пригодными гипотезами для дальнѣйшей работы. Однимъ словомъ научную работу

1) П. Соколовъ. Вѣра. Психологическій этюдъ. Вопросы философіи и психологіи. Книга 62, Мартъ-Апрѣль, 1902 г., стр. 932.

представляютъ себѣ въ видѣ пріятной прогулки въ хорошій весенній день, когда ученый, не торопясь, собираетъ цвѣты науки, изъ которыхъ незамѣтно для него составляется букетъ — крупное научное открытіе. Такъ, извѣстный ученый Оствальдъ говоритъ, что его обычный методъ научной работы былъ именно таковъ. Для разрѣшенія вопросовъ, которые лежали на границѣ его способностей, онъ обычно спокойно выжидалъ, когда наступитъ добрый часъ и этотъ отвѣтъ самъ явится ему, какъ спѣлый плодъ, который самъ падаетъ съ дерева ¹⁾. Въ одной изъ статей Оствальда имѣется яркая характеристика его, какъ ученаго. Онъ пишетъ про себя, что, когда онъ пріѣхалъ въ Америку для чтенія лекцій, въ газетахъ появились, какъ обычно бываетъ въ такихъ случаяхъ, его характеристики, какъ ученаго. Въ нихъ говорилось, что онъ принадлежитъ къ разряду научныхъ дѣятелей, которые на три года опережаютъ своихъ современниковъ. Сперва эта характеристика его обидѣла, но потомъ онъ рѣшилъ, что это то и хорошо: по крайней мѣрѣ не приходится очень долго ждать признанія его научныхъ заслугъ современниками.

У ученыхъ первой величины рядомъ съ описаннымъ выше способомъ работы мы видимъ другой путь достиженія научной истины. У нихъ, на основаніи одного или немногихъ фактовъ, или на основаніи процессовъ переработки ими фактического матеріала, происходящихъ ниже порога сознанія, рождается твердая увѣренность въ незыбленности опредѣленнаго объясненія. Эта твердая увѣренность заставляетъ ученаго подыскивать факты и доказательства для обоснованія этого заключенія. Эта вѣра въ справедливость опредѣленнаго рѣшенія научной задачи психологически не отличается отъ религіозной вѣры. И тутъ, и тамъ мы

1) W. Ostwald. Monistische Sonntagspredigten. I. Reihe. Leipzig, 1902, S. 102.

имѣемъ яркое душевное переживаніе, страстную увѣренность, что опредѣленное рѣшеніе есть истина и рѣшимость своею дѣятельностью подтвердить справедливость его, причемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ эта увѣренность носить субъективный характеръ. Яркимъ примѣромъ этого душевнаго процесса служить исторія гениальнаго открытія Мечникова относительно роли бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ въ борьбѣ организма съ бактеріями. Возникшее на основаніи лишь одного очень красиваго наблюденія, эта теорія встрѣтила сильнѣйшія возраженія — почти весь ученый міръ Германіи былъ противъ нея; Мечникову потребовалось около 25 лѣтъ напряженной работы, чтобъ собрать достаточное количество фактовъ и убѣдить широкіе научные круги. При этомъ временами противъ его ученія выставлялись, казалось, совершенно убійственныя возраженія, не оставлявшія никакой почвы подъ его теоріей и только твердая вѣра въ правоту своей теоріи заставляла Мечникова не уступать поля битвы и отыскивать новыя доказательства, въ концѣ концовъ и увѣнчавшіе его дѣло успѣхомъ.

Очевидно, въ подобныхъ случаяхъ прогрессъ науки обуславливается наличностью твердой вѣры въ свою правоту у этихъ передовыхъ работниковъ, именно вѣры, такъ какъ факты, логическіе доводы въ этотъ моментъ говорятъ противъ нихъ. Только твердая вѣра даетъ имъ возможность развить то громадное напряженіе, которое необходимо, чтобы подъ ихъ субъективную увѣренность въ истинность опредѣленнаго положенія подвести твердую основу логическихъ доказательствъ и фактовъ. Такой же темпераментъ страстнаго борца, вѣрившаго въ свою идею, былъ и у Пастера.

Но и въ другихъ случаяхъ, когда ученый послѣдовательно идетъ впередъ, созидая одну часть за другой въ той области науки, которую онъ разрабатываетъ, причемъ получается впечатлѣніе, что онъ приспособляется къ тому матеріалу, который онъ изучаетъ, т. к. онъ постоянно во

время работы мѣняетъ гипотезы, служащія ему для связыванія отдѣльныхъ явленій въ цѣлое, и въ этомъ случаѣ въ основѣ научной работы, нужно думать, лежитъ близкій къ предиудущей манерѣ работать душевный процессъ. Здѣсь ученый не выставляетъ впередъ опредѣленный тезисъ, который онъ долженъ доказать, но основой его работы и въ этомъ случаѣ служитъ увѣренность, что онъ имѣетъ передъ собою необыкновенно сложный, закономѣрно работающій механизмъ, всѣ части котораго находятся во взаимной зависимости. Задача ученаго въ этомъ случаѣ сводится къ тому, чтобы сдѣлать видимымъ для всѣхъ тотъ механизмъ, присутствіе котораго онъ чувствуетъ въ изучаемомъ отдѣлѣ природы. Таковъ, мнѣ кажется, способъ работы ученыхъ въ родѣ нашего геніальнаго физиолога И. П. Павлова.

Такимъ образомъ мы выяснили себѣ, что даже въ области, казалось бы, такъ рѣзко отличающейся отъ религіи, какъ естественныя науки, способность вѣрить играетъ громадную роль. Еще легче выяснить значеніе вѣры для всякой активной дѣятельности. Не одно крупное дѣло не можетъ быть выполнено, если человѣкъ не имѣетъ вѣры въ его осуществимость. Конечно, чѣмъ болѣе обоснованъ планъ извѣстнаго предпріятія, его детали, тѣмъ легче можетъ быть оно выполнено. Но вполнѣ освободиться отъ необходимости вѣры въ осуществимость дѣла, которое начинаешь, нельзя. Во первыхъ, исходъ всякаго предпріятія зависитъ отъ столь сложнаго сцѣпленія обстоятельствъ, что съ полной точностью предсказать его нѣтъ никакой возможности. Но, кромѣ того, на исходъ дѣла вліяетъ въ видѣ самаго существеннаго фактора, то напряженіе душевныхъ силъ, которое способно развить главное дѣйствующее лице. Между тѣмъ это напряженіе душевныхъ силъ обусловливается болѣе или менѣе сильной вѣрой его въ осуществимость дѣла. Такимъ образомъ вѣра въ свое дѣло

является существеннѣйшимъ факторомъ при началѣ каждаго предпріятія и чѣмъ послѣднее важнѣе и труднѣе, тѣмъ большую роль она играетъ. Возьмемъ открытіе Колумбомъ Америки: научныя данныя того времени говорили только за возможность благопріятнаго исхода его предпріятія. Самый же благопріятный исходъ зависѣлъ отъ вѣры Колумба въ осуществимость его плана. Таковую же роль вѣра играетъ въ каждомъ коммерческомъ и промышленномъ предпріятіи и особенно въ каждомъ политическомъ начинаніи.

Конечно, оттѣнокъ вѣры нѣсколько иной въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ увѣренность, что извѣстное наше предпріятіе кончится удачно, и въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ религіозной вѣрой. Но, когда мы имѣемъ предъ собою увѣренность въ осуществимость дѣла, которое требуетъ для своего благополучнаго исхода напряженныхъ усилій въ теченіе цѣлой жизни человѣка, эта психологическая разница сглаживается... Если же мы имѣемъ предъ собою вѣру въ дѣло, которое для своего осуществленія требуетъ борьбы и жертвъ нѣсколькихъ поколѣній, то здѣсь разница совершенно исчезаетъ.

П. Л. Лавровъ въ своихъ „Историческихъ письмахъ“ указываетъ на значеніе вѣры въ общественной жизни: „Да, вѣра двигаетъ горы — и только она. Въ минуту дѣйствія она должна овладѣть человѣкомъ — или онъ окажется безсильнымъ въ то самое мгновеніе, когда надо развить всѣ свои силы. Не враги опасны борящимся партіямъ: имъ всего опаснѣе невѣрующіе, индефферентисты, которые находятся въ ихъ рядахъ, становятся подъ знаменемъ партіи и провозглашаютъ ихъ девизы иногда громче, чѣмъ самые преданные предводители...“¹⁾ Лавровъ только не-

¹⁾ П. Л. Лавровъ. Историческія письма. С. Петербургъ, 1906, стр. 284.

правъ когда онъ думаетъ, что вѣра, двигающая людьми во время общественныхъ движеній, можетъ быть всецѣло обоснована на фактахъ и логическихъ построеніяхъ. Онъ говоритъ, что „вѣра есть психическая или внѣшняя дѣятельность, при которой присутствуетъ сознание, но отсутствуетъ критика . . . поэтому, по его мнѣнію, сказать, что вѣра противоположна критикѣ можно, но въ ограниченномъ смыслѣ. То, во что человѣкъ вѣритъ, онъ уже не подвергаетъ критикѣ. Но это нисколько не исключаетъ случая, что предметъ сегодняшней вѣры былъ вчера подвергнутъ критикѣ . . . Лишь критика создаетъ прочныя убѣжденія. Лишь человѣкъ выработавшій въ себѣ прочныя убѣжденія, находитъ въ этихъ убѣжденіяхъ достаточную силу вѣры для энергичнаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи вѣра противоположна критикѣ не по существу, а по времени: это два разные моменты развитія мысли. Критика подготавливаетъ дѣятельность, вѣра вызываетъ дѣйствіе“¹⁾. Изъ этой выписки видно, что Лавровъ вѣрой считаетъ твердое, яркое убѣжденіе, основанное на строгихъ логическихъ построеніяхъ. Роль вѣры въ общественной дѣятельности неоспорима, только эта вѣра почти всегда заставляетъ людей признавать желаемое за осуществимое и только конечный исходъ можетъ рѣшить вопросъ, были ли они правы или ошибались. Такимъ образомъ вѣра является выраженіемъ активности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чѣмъ болѣе сильнымъ интеллектомъ направляется дѣятельность человѣка, чѣмъ тщательнѣе будетъ онъ обдумывать всѣ частности проектируемаго дѣла, тѣмъ больше при прочихъ равныхъ условіяхъ, онъ будетъ имѣть шансовъ на успѣхъ. Но, вѣра, даже въ иллюзіи, настолько является выраженіемъ избытка силъ, рвущихся къ дѣятельности, что даже вѣра въ иллюзіи является, въ общемъ, благомъ. Вѣрить, даже въ иллюзіи, безконечно

1) Тамъ-же, стр. 284—286.

лучше, чѣмъ быть разсудительнымъ, но пассивнымъ человекомъ, т. е. активность есть принципъ роста человѣческой личности. Только въ части случаевъ вѣра въ „иллюзіи“ загонить человека въ тупикъ; притомъ это можетъ случиться преимущественно съ маленькой вѣрой и слабымъ человекомъ. Когда же люди направляются большой несокрушимой вѣрой, то сталкиваясь съ непреодолимыми препятствіями, они отклоняются отъ взятаго невѣрнаго пути и направляются въ сторону продуктивной работы. Пойдя за одними благами и не найдя ихъ, они находятъ зачастую большія. (Колумбъ поѣхалъ въ поиски за путемъ въ Индію, а нашелъ Новый Свѣтъ). И это совершенно понятно, вѣра является выраженіемъ активности и сама по себѣ благо, въ какія бы формы она не выливалась въ отдѣльныхъ случаяхъ. Оттого исторія полна великихъ страницъ и великихъ дѣлъ, оставшихся въ результатъ того, что люди беззавѣтно жертвовали собой ради иллюзіи. Только бы человекъ стремился впередъ, а ужъ дѣйствительность сама сдѣлаетъ все необходимыя поправки къ его идеаламъ.

III.

Мы старались выяснитъ, что въ основѣ религіи лежитъ утвержденіе цѣнностей посредствомъ вѣры. Очевидно религіозныя формы, религіозныя системы, въ которыя можетъ вылиться это стремленіе, могутъ быть безконечно разнообразны въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ отдѣльныхъ лицъ и историческихъ и бытовыхъ условій подъ влияніемъ которыхъ они находятся.

Среди этихъ факторовъ интензивность чувства вѣры является основнымъ условіемъ; далѣе идутъ степень развитія интеллекта, особенности психической организаціи, запасъ знаній вообще и въ частности запасъ научныхъ знаній, характеризующихъ извѣстную среду и эпоху, влияніе формъ

общественной и экономической жизни и т. д. Остановимся подробнѣе только на нѣкоторыхъ изъ этихъ факторовъ.

На содержаніе религіозной системы очень сильное вліяніе оказываетъ общій колоритъ, пессимистическій или оптимистическій, той эпохи, въ которую она складывалась. Замѣчательное обстоятельство, что историческія эпохи, въ которыя складывались самыя важныя, великія религіозныя системы, какъ буддизмъ и христіанство, носили на себѣ явно пессимистическій оттѣнокъ. Рихардъ Гарбе въ своей книгѣ, „Die Sankhyaphilosophie“, говоритъ: „Въ эпоху древней Веды въ Индостанѣ господствовало жизнерадостное міросозерцаніе; въ немъ еще нельзя замѣтить зародышей позднѣйшаго представленія, подчиняющаго себѣ и угнетающаго мышленіе всего народа; жизнь еще не ощущалась, какъ бремя, она была, напротивъ, величайшимъ изъ благъ, ея вѣчное продолженіе послѣ смерти — вотъ на что надѣялись, какъ на награду за благочестивую жизнь. Но, вотъ, разомъ, безъ всякихъ переходныхъ ступеней, замѣтныхъ для нашего глаза, на мѣсто этой наивной жизнерадостности выдвигается убѣжденіе, что существованіе человѣка представляетъ мучительное блужданіе отъ смерти до смерти“¹⁾. Точно также полное жизнерадостности настроеніе эпохи Гомера смѣнилось ко времени Платона, отрицавшаго цѣнность реальнаго, пессимистическимъ отношеніемъ къ жизни. Наконецъ, развитіе и распространеніе христіанства съ его презрѣніемъ къ земной жизни совпало съ развитіемъ процесса паденія античной культуры, которое не могло не сопровождаться распространеніемъ пессимистическихъ настроеній.

Содержаніе религіозной системы, владѣющей человекомъ, конечно обуславливается запасомъ свѣдѣній, кото-

1) Richard Garbe. Die Sankhyaphilosophie. Eine Darstellung des indischen Rationalismus. Leipzig, 1894, цит. по Гефдинггу, стр. 145.

рымъ онъ обладаетъ, его интеллектуальными способностями, но еще въ большей степени психологическимъ характеромъ процесса мышленія этого субъекта. Такъ Джемсъ отмѣчаетъ два такихъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга психологическихъ типа. Дѣйствительно, всматриваясь въ окружающихъ людей, мы видимъ, что для однихъ окружающая дѣйствительность, въ видѣ отдѣльныхъ объектовъ, представляетъ непосредственный интересъ и прелесть. Работа мысли такихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить общія черты въ наблюдаемомъ разнообразіи явленій, но при этомъ для нихъ всегда на первомъ планѣ стоятъ тѣ конкретныя комбинаціи отдѣльныхъ признаковъ, которыя въ ихъ сознаніи соотвѣтствуютъ предметамъ реальнаго міра. Эта жизненность непосредственнаго воспріятія сознаниемъ влечетъ за собой то, что въ сознаніи этихъ людей никогда обобщенія, какое бы важное значеніе эти обобщенія не имѣли, не начинаютъ жить самостоятельной жизнью. Никогда, міровой порядокъ, который они наблюдаютъ и который тоже приводитъ ихъ въ глубокое восхищеніе, не дѣлается для нихъ реальной Сущностью, независимую отъ міра и одаренную чуть не человѣкоподобными свойствами. Коротко сказать, хотя жизнь такихъ людей, если они ученые, бываетъ иногда цѣликомъ посвящена тому, чтобы искать и обосновывать обобщенія, они никогда не пишутъ, какъ говоритъ Джемсъ, эти обобщенія съ большой буквы. Они имѣютъ иногда всю жизнь дѣло съ эволюціей, прогрессомъ, матеріей, силой, міровымъ порядкомъ, а не съ Прогрессомъ, Матеріей и т. д.

У людей другого склада образы не обладаютъ такой жизненностью и прочностью. Ихъ вниманіе скоро утомляется разнообразіемъ явленій окружающаго и скоро сосредоточивается на общихъ, отмѣченныхъ ими чертахъ и сдѣланныхъ ими родовыхъ обобщеніяхъ. Въ ихъ сознаніи отвлеченные обобщающіе образы живутъ болѣе яркою

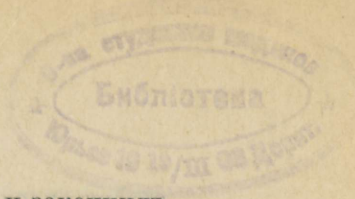
жизнью, выступают болѣе на первый планъ и заставляють блѣднѣть впечатлѣнія отъ отдѣльныхъ конкретныхъ явленій. Въ сознаниі такихъ людей, напримѣръ, въ области искусства, не Венера Милоская, не фризъ Парфенона будутъ реальными образами, и цѣнностями, даже не болѣе общее впечатлѣніе отъ античной скульптуры, а отвлеченное представленіе Красоты и Прекраснаго вообще. Это отвлеченное представленіе является самымъ важнымъ элементомъ ихъ сознанія, отодвигающимъ на задній планъ и заставляющимъ блѣднѣть образы отдѣльныхъ произведеній искусства. Обычно люди этого типа не занимаются естествознаніемъ; послѣдовательное научное мышленіе представляетъ для нихъ орудіе, которымъ они, сравнительно, мало пользуются и не имѣетъ въ ихъ глазахъ какой либо исключительной цѣнности и значенія. И потому, когда явленія ихъ внутренней, субъективной жизни сталкиваются съ выводами научнаго мышленія, они безъ всякаго сожалѣнія и борьбы откидываютъ послѣднія. „Эмпиристъ“, говоритъ Джемсъ, — это человѣкъ, любящій все многообразіе фактовъ въ ихъ первобытной нетронутости, непосредственности. „Раціоналистъ“ — поклонникъ абстрактныхъ и вѣчныхъ принциповъ. Конечно, не одинъ человѣкъ не можетъ прожить и часу, не оперируя одновременно какъ фактами, такъ и принципами. Поэтому различіе между обоими указываемыми типами сводится къ неодинаковой оцѣнкѣ, неодинаковому ударенію, дѣлаемому ими на тотъ или другой элементъ нашей духовной жизни“¹⁾.

Различать эти два душевныхъ „темперамента“ очень важно, чтобы понимать разницу въ религіозныхъ переживаніяхъ отдѣльныхъ людей. Джемсъ называетъ эти два типа „мягкимъ“ (раціоналистъ, оперируетъ принципами) и „жесткій“ типъ (эмпиристъ, детерминистъ). Мнѣ кажется только,

1) В. Джемсъ. Прагматизмъ. Изд. Шиповникъ, СПБ., 1910, стр. 13.

что за Джемсомъ нельзя слѣдовать въ деталяхъ описанія этихъ двухъ типовъ. Такъ, по моему нельзя согласиться съ Джемсомъ, когда онъ первый типъ считаетъ по преимуществу оптимистическимъ и наклоннымъ къ монистическому міросозерцанію, а второй — пессимистами и плюралистами. Это есть, какъ намъ кажется, обобщеніе случайной комбинаціи свойствъ, которую наблюдалъ Джемсъ въ определенной обстановкѣ, т. к. вполне возможны и наблюдаются комбинаціи детерминизма и монистическаго міросозерцанія вмѣстѣ съ оптимистической окраской душевной жизни. Наличие этихъ двухъ психическихъ „темперamentовъ“ крайне много, какъ мы сказали выше, объясняетъ намъ въ рѣзкомъ различіи религіозныхъ переживаній. Эти два психологическихъ типа находятся по отношенію другъ къ другу въ непримиримомъ противорѣчій и временами они доходятъ до интенсивнаго чувства вражды и презрѣнія другъ къ другу. Люди второго типа, „мягкіе“ по Джемсу, не могутъ представить себѣ, какъ можно жить безъ яркаго переживанія общихъ образовъ Красоты, Мудрости, Права и. т. п. и называютъ тѣхъ, у кого нѣтъ такихъ переживаній дикарями и готтентотами. Съ другой стороны, люди жесткаго типа относятся съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ стремленію „мягкихъ“ ипостазировать, дѣлать реальными предметами, проецировать внѣ себя, въ реальный міръ обобщенія и душевныя переживанія.

Но, не только разница въ психологическомъ складѣ, но и простая разница въ запасѣ знаній уже приводитъ, какъ легко себѣ представить, къ совершенно различнымъ міросозерцаніямъ. Для меня остался особенно поучительнымъ слѣдующій случай, который врѣзался въ мою память со всѣми подробностями. Я принималъ больныхъ въ земской больницѣ, въ лѣтній солнечный день. Передо мной, за столомъ сидѣлъ крестьянинъ съ интеллигентнымъ, измученнымъ лицомъ, неврастеникъ, и рассказывалъ мнѣ о своей

болѣзни, по всей вѣроятности, катарръ желудка и закончилъ свой рассказъ словами, что онъ думаетъ, что у него глиста. Я спросилъ, почему онъ это думаетъ. Больной съ лицомъ, на которомъ отразилось болѣзненное чувство недоумѣнія по поводу того, что ему задаютъ вопросы по поводу такихъ ясныхъ и самихъ по себѣ понятныхъ вещей, отвѣтилъ мнѣ: „Потому что она ворочается у меня въ животъ и блюетъ мнѣ въ ротъ.“ Такъ мы сидѣли другъ противъ друга, чуждые одинъ другому; исходные факты были у насъ одни и тѣже, да и разсуждали мы, какъ мнѣ казалось, одинаково послѣдовательно и логически (мой пациентъ мнѣ казался вдумчивымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ) и пришли къ совершенно разнымъ выводамъ: я, основываясь на данныхъ физиологіи, у него предполагалъ катарръ желудка, а онъ былъ убѣжденъ, что въ немъ находится очень большая и сильная глиста, по своимъ свойствамъ не соотвѣтствовавшая глистамъ, которыхъ врачи знаютъ, а скорѣй существо мифическаго характера. Къ этому привело рѣзкое различіе въ запасъ знаній у насъ обоихъ.

Необыкновенное разнообразіе религіозныхъ взглядовъ и противорѣчіе ихъ другъ другу производятъ часто впечатлѣніе кажущейся случайности и произвола въ ихъ образованіи. Но это не такъ. Итоги, въ которые выливаются въ концѣ концовъ религіозныя построенія вытекаютъ изъ индивидуальныхъ данныхъ отдѣльной личности съ такою же необходимостью, какъ и логическіе выводы. Степень жажды къ жизни (стремленіе къ жизни), характеризующая отдѣльное лицо, запасъ знаній, которымъ оно располагаетъ, его мыслительныя способности, особенности его душевнаго склада и т. д. все это составляетъ собою послышки, изъ которыхъ съ желѣзной необходимостью должно вылиться опредѣленное религіозное содержаніе.

Перейдемъ къ отдѣльнымъ примѣрамъ. Начнемъ съ тотемизма, о которомъ мы говорили выше. Факты, изъ ко-

торыхъ послѣдователь тотемизма исходитъ, это, по Дюркгейму, сознание, что существуетъ какая то сила, относительно которой онъ только знаетъ, что она во время народныхъ собраній и празднествъ вселяется въ него и совершенно преобразуетъ его. О наличности этой силы онъ заключаетъ изъ того, что чувствуетъ, какъ изъ человѣка, живущаго вялой, растительной жизнью, онъ во время собраній своего клана и празднествъ, совершаемыхъ въ это время, превращается въ человѣка, преисполненнаго самой бурной энергіей. Дюркгеймъ, согласно съ изслѣдователями, наблюдавшими непосредственно австралійскихъ дикарей, описываетъ это слѣдующимъ образомъ. Жизнь въ австралійскихъ обществахъ протекаетъ въ двухъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга формахъ, смѣняющихся одна другую. То населеніе живетъ маленькими группами, которыя бродятъ одна независимо отъ другой: каждая семья живетъ отдѣльно, занимаясь охотой, рыбной ловлей, стараясь, однимъ словомъ, всякими доступными ей способами добыть необходимую пищу. То, наоборотъ, населеніе стягивается въ опредѣленные мѣста на время отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Эти сборища имѣютъ мѣсто, когда кланъ или часть племени созываются на свои собранія и когда по этому поводу празднуются особья торжества. Эти два разныхъ періода жизни необыкновенно рѣзко отличаются другъ отъ друга. Въ первомъ главное мѣсто занимаетъ дѣятельность экономическая и, въ общемъ, эта дѣятельность не особенно интенсивна. Собираніе зеренъ и травъ, необходимыхъ для питанія, охота и рыбная ловля не представляютъ собою занятій, которыя могли бы возбудить особенно бурныя страсти. Состояніе разсѣянное, въ которомъ живетъ въ это время общество дѣлаетъ жизнь особенно однообразной, монотонной и вялой. Но лишь только начинается народное собраніе, все измѣняется. Такъ какъ страсти дикаря только самымъ несовершеннымъ образомъ находятся подъ контро-

лемь разума и воли, онъ легко теряетъ власть надъ собою. Событія извѣстнаго значенія тотчасъ же выводятъ его изъ душевнаго равновѣсія. Какъ только получаетъ онъ радостное извѣстіе, наступаютъ взрывы энтузіазма. Въ случаѣ полученія горестныхъ извѣстій онъ начинаетъ бѣгать изъ стороны въ сторону, какъ сумашедшій, производитъ всякія беспорядочныя движенія, кричитъ, рычитъ, собираетъ пыль и бросаетъ ее во всѣхъ направленіяхъ, кусается, потрясаетъ своимъ оружіемъ и т. п. Когда люди сближаются, отъ ихъ сближенія какъ бы выдѣляется особая сила, которая ихъ приводитъ скоро въ состояніе необыкновеннаго возбужденія. Начальный подъемъ распространяется, увеличиваясь по мѣрѣ того, какъ онъ встрѣчаетъ откликъ, подобно тому, какъ лавина растетъ при своемъ движеніи. И такъ какъ страсти столь яркія и совершенно не стѣсненныя какимъ бы то не было контролемъ, не могутъ не проявляться наружу, то повсюду кругомъ видны бурные жесты и слышны крики, настоящія рычанія, оглушительные шумы всякаго рода, которые способствуютъ еще большому усиленію того состоянія духа, которое они выражаютъ. Голоса человѣческаго не хватаетъ, чтобы все выразить, и потому подымается искусственный шумъ: ударяютъ оружіе одно объ другое и шумятъ особыми трещетками¹⁾.

Первобытные люди не могутъ не сознать, утверждаетъ Дюркгеймъ, какъ мы приводили выше, все то благо, какое они получаютъ отъ общенія другъ съ другомъ, отъ жизни племенемъ. Это благо яснѣе всего выступаетъ въ ихъ сознаніи въ видѣ того подъема силъ, того подъема душевной энергіи, которая вселяется въ нихъ во время народныхъ собраній, они и боготворятъ ее, ея же дарамъ приписываютъ они всѣ блага жизни (пищу, благопріятную погоду, здоровье) которыми они обладаютъ.

1) Durkheim, I. c., p. 307—309.

Здѣсь на почвѣ стремленія къ жизни элементарныя условія существованія и элементарныя формы мышленія выработали религіозную систему, отвѣчающую на всѣ вопросы и служащую опорой жизни. Здѣсь даже нѣтъ божества, которому можно было бы молиться о ниспосланіи благъ и отвращенія несчастій, несмотря ни это однако и здѣсь, какъ описываютъ, существуютъ торжественныя обряды умиловительнаго характера, жертвоприношенія и т. п. Въ число обрядовъ, входящихъ въ кругъ религіозной системы тотемизма, значительную роль играютъ всевозможныя лишения, голоданія, нанесеніе ранъ и физическихъ мученій, накладываемыя на себя членами племени. И здѣсь мы видимъ, что эти мученія играютъ особенную роль при переходѣ молодыхъ членовъ племени въ ряды взрослыхъ. Чтобы молодой человѣкъ былъ допущенъ въ ряды полноправныхъ членовъ племени, онъ долженъ предварительно продѣлать искусь настоящаго аскета. Какой смыслъ имѣеть все это, когда даже не имѣется ясно выраженнаго представленія о божествѣ, которому все это могло бы доставить удовольствіе? Вѣра въ то, что страданіе обладаетъ способностью освящать, проходить отъ самыхъ примитивныхъ религіозныхъ системъ до самыхъ возвышенныхъ. Конечно, это вѣрованіе понимается различно въ различные періоды исторіи. Для христіанина страданіе вліяетъ преимущественно на душу; оно ее очищаетъ, облагораживаетъ, дѣлаетъ болѣе духовной. Для австралійца дѣйствія страданія болѣе направлены на тѣло: оно, по его мнѣнію, усиливаетъ жизненную силу, заставляетъ расти бороду и волосы, закаляетъ члены. „Но и тутъ, и тамъ, говоритъ Дюркгеймъ, основной принципъ тотъ же: и тутъ, и тамъ признается, что страданіе есть источникъ исключительной силы. И дѣйствительно, по тому, какъ человѣкъ переноситъ боль, лучше всего проявляется величіе человѣка. Никогда человѣкъ не подымается съ большимъ блескомъ надъ самимъ собою, какъ, когда онъ

смиряетъ свою природу до того, что заставляетъ ее слѣдовать по пути, противоположному тому, какой бы она избрала самостоятельно. Этимъ путемъ человѣкъ выдѣляетъ себя изъ ряда другихъ созданий, которыя идутъ слѣпо туда, куда ихъ зоветъ удовольствіе. Страданіе — это есть признакъ того, что часть связей, которыя привязываютъ человѣка къ пошлой средѣ, оборвана; они свидѣтельствуютъ, что человѣкъ отчасти освободился отъ этой среды и поэтому страданія совершенно справедливо признаются орудіемъ освобожденія. Поэтому тотъ, кто освободилъ себя такимъ образомъ, не жертва самообмана, когда онъ вѣритъ, что сталъ обладать особой силой надъ окружающимъ: онъ, дѣйствительно, поднялся надъ нимъ, такъ какъ онъ отъ него отказался, онъ сильнѣй природы, такъ какъ заставилъ ее молчать¹⁾. Это даетъ намъ возможность понять, почему мы всегда встрѣчаемся съ аскетизмомъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ во всѣхъ, сколько нибудь сильныхъ духовныхъ движеніяхъ, начиная съ первобытныхъ религій и кончая героями „Что дѣлать?“ или толстовствомъ.

У Австралійцевъ мы встрѣчаемъ обряды, соотвѣтствующіе жертвоприношенію безъ ясно выраженнаго представленія о божествѣ, которому могла бы приноситься эта жертва. Эта церемонія называется „Интихіума“. Въ извѣстное время муцины племени собираются и съ благоговѣніемъ приступаютъ къ торжественному обряду. Они приближаются къ скалѣ, считаемой священной и трутъ ее другими камнями, поднятыми изъ лежащихъ кругомъ; образовавшуюся при этомъ пыль собираютъ и затѣмъ разметають во всѣ стороны ее посредствомъ древесныхъ вѣтвей. Эта пыль считается дикарями источникомъ плодородія и, совершая этотъ обрядъ, они способствуютъ обильному урожаю продуктовъ, служащихъ имъ пищей. Въ одномъ изъ племенъ

1) Dürkheim, I. с. р. 450—451.

есть кланъ ящерицы; представители этого клана направляются къ скалѣ, которая въ ихъ глазахъ является ихъ предкомъ; отъ этой скалы они отламываютъ камни и бросаютъ ихъ во всѣ стороны, чтобъ вызвать обиліе ящерицъ. Есть кланъ, имѣющій своимъ тотемомъ — рыбу. Во время обряда „Интихіума“ вождь этого клана, расписанный торжественнымъ образомъ, садится въ яму съ водой и заостренными костями въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрѣзаетъ себѣ кожу мошонки и вокругъ пупка. Кровь, которая течетъ изъ этихъ ранокъ, распространяется въ водѣ и изъ нея должны родиться рыбы¹⁾. Одинъ изъ клановъ (кланъ воды) во время церемоніи, цѣль которой вызвать дождь, поливаетъ водой камень, представляющаго собою предка этого клана. Очевидно, это имѣетъ цѣлью увеличить продуктивную силу этого предка. Кромѣ того въ рядѣ клановъ встрѣчается обрядъ, заключающійся главнымъ образомъ въ томъ, что начальнику клана приносятъ растеніе или животное, представляющія тотемъ этого клана и онъ торжественно съѣдаетъ отъ него часть. Если бъ вождь не выполнилъ этого обряда, онъ потерялъ бы силу производить обрядъ „Интихіума“, описанный выше.

Такимъ образомъ, обряды жертвоприношенія имѣются уже у народовъ, не имѣющихъ яснаго представленія о богахъ, но затѣмъ мы можемъ прослѣдить ихъ существованіе во всевозможныхъ религіяхъ человѣчества. Цѣль, преслѣдуемая этими обрядами у дикарей, достигнуть обилія плодовъ земныхъ. Понятны и тѣ примитивныя разсужденія, которыя осмысливаютъ эти обряды въ ихъ глазахъ; но, какимъ образомъ могло создаться и поддерживаться убѣжденіе, что эти обряды дѣйствительно достигаютъ цѣли? Не смотря на то, что въ основѣ этихъ обрядовъ лежатъ иллюзіи и ошибочныя умозаключенія, они имѣютъ, говоритъ Дюрк-

1) Dürkheim, l. c., p. 470—473.

геймъ, высокую объективную цѣнность. Ихъ назначеніе поддерживать связь людей между собою, внушать имъ бодрость, необходимую въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Не смотря на то, что въ теченіе вѣковъ одна великая религіозная система смѣняла другую, при всѣхъ изъ нихъ происходятъ, напримѣръ, моленія о ниспосланіи дождя. Эти обряды жертвоприношенія выполнялись еще тогда, когда не было представленія о личномъ богѣ, выслушивающемъ и исполняющемъ мольбы и это дѣлалось потому, что всегда эти обряды давали реальное благо собравшимся и выполнявшимъ ихъ людямъ: они давали подъемъ духа, бодрость, чувство взаимной поддержки.

Точно также говорить Дюркгеймъ, можно часто встрѣтить въ самой культурной средѣ людей, которые потеряли вѣру въ смыслъ каждаго отдѣльнаго обряда, предписываемаго догмой и несмотря на это они ходятъ на богослуженія. Возможность разумно объяснить предписанія вѣры, говоритъ Дюркгеймъ, для этихъ людей исчезла и тѣмъ самымъ для насъ ясны глубокіе корни этой вѣры. Человѣкъ не можетъ отступиться отъ извѣстной обрядности, т. к. это внесло бы тяжелый разладъ въ его душевную жизнь. Вотъ почему вѣрующаго не затрогиваетъ критика поверхностнаго раціонализма противъ обрядностей, такъ какъ ихъ истинное оправданіе для него заключается не въ тѣхъ цѣляхъ, на достиженіе которыхъ, повидимому, направлены эти обряды, но въ томъ несомнѣнномъ дѣйстви, которое они оказываютъ на сознаніе. Точно также, когда представитель религіи старается убѣдить въ дѣйствительности обрядовъ, онъ обращаетъ вниманіе не столько на то, чтобы методически доказать справедливость извѣстнаго вывода, сколько старается указать на чувство нравственнаго удовлетворенія, которое доставляетъ регулярное исполненіе обрядовъ¹⁾.

1) Dürkheim, l. c., p. 514.

Мы хотѣли, слѣдуя Дюркгейму, показать смыслъ и цѣльность самыхъ странныхъ обрядовъ, встрѣчаемыхъ у послѣдователей тотемизма. Послѣдовательность и необходимость религіозныхъ воззрѣній мы найдемъ и на другихъ ступеняхъ религіозной жизни. При тотемизмѣ, какъ было указано выше, отсутствуетъ сколько нибудь ясное представление о духахъ умершихъ, о божествахъ. На другихъ стадіяхъ развитія человѣчества мы встрѣчаемся съ постояннымъ стремленіемъ одухотворить всѣ неодушевленные предметы, окружающіе людей и по чему бы то не было останавливающіе на себѣ ихъ вниманіе. Эту склонность одухотворять неодушевленные предметы мы до сихъ поръ можемъ наблюдать на себѣ и она оставила необыкновенно яркій слѣдъ на языкѣ, особенно арійскихъ народовъ. Въ то же время, какъ только укоренилось представленіе о страшныхъ и благодѣтельныхъ явленіяхъ природы, какъ объ одушевленныхъ человѣкоподобныхъ существахъ, оно не могло не сдѣлаться важной частью религіозной системы. Разъ человѣкъ сталъ представлять себѣ что либо, отъ чего зависѣло его благосостояніе или жизнь, въ видѣ существа, похожаго на человѣка, только болѣе могущественнаго и страшнаго, совершенно естественно изъ этого вытекало необходимость умолять это существо и умиловать его. Такимъ образомъ обряды, сложившіеся еще во время тотемизма, перешли и въ этотъ періодъ, получивъ только новую окраску и объясненіе. Убѣжденіе, что человѣкъ не весь умираетъ, убѣжденіе въ существованіе духовъ умершихъ точно также не могло не получить важнаго значенія въ жизни племени, съ одной стороны, въ узко утилитарномъ смыслѣ — умершіе становились защитниками племени и охранителями полезныхъ для его процвѣтанія обычаевъ, съ другой же стороны убѣжденіе въ существованіи духовъ имѣло и высокое общественное значеніе подобно тому, что мы видѣли и при тотемизмѣ, поддерживая бодрость духа,

душевную силу, необходимую для жизненной борьбы и общественную солидарность. Боги и духи умерших предков играли съ одной стороны роль факторовъ, объяснявшихъ явленія природы и такимъ образомъ являлись элементами системы, изъ которой выросло теперешнее научное объясненіе природы, съ другой же стороны они были факторами, поддерживавшими бодрое отношеніе къ жизни. Но, какъ бы не казались намъ необоснованными, произвольными представленія людей болѣе примитивнаго склада ума, чѣмъ нашъ, о божествахъ и природѣ, эти построенія отличаются полною законмѣрностью и необходимостью своихъ выводовъ. Объясненіе явленій грома и молніи, какъ результатъ того, что пророкъ Илія катитъ на своей огненной колесницѣ по небу и наши научныя объясненія этихъ явленій, какъ бы они рѣзко не отличались другъ отъ друга, построены по одному принципу. Первое объясненіе въ условіяхъ той среды, гдѣ оно образовалось, есть самое простое и здравое объясненіе этихъ явленій, съ необходимостью вытекавшее изъ запаса фактовъ, которымъ располагалъ человѣкъ и изъ тѣхъ приемовъ мышленія, которыми онъ обладалъ для систематизированія явленій.

Если одни боги смѣняются другими, говоритъ Фейербахъ, если одна религіозная система замѣняется другой, то это не потому, чтобы отношенія человѣка къ природѣ по своему существу измѣнилось и стало другимъ, а потому, что природа человѣка и его оцѣнка окружающаго и стремленія людей стали иными. „Абсолютное существо для человѣка это самъ человѣкъ, не смотря на то, что онъ этого не знаетъ; такъ называемыя абсолютныя существа, боги, суть относительныя, зависящія отъ человѣка существа; они ему только потому боги, поскольку они служатъ этому назначенію, поскольку они для человѣка полезны, необходимы, короче сказать, благодѣтельны. Почему Греки осмѣивали боговъ Египта, крокодиловъ, кошекъ, ибиса?

Потому что боги Египтянъ не соотвѣтствовали существу, потребностямъ грековъ. Вотъ въ этомъ лежала причина, почему для нихъ только греческіе боги были богами. Дѣло заключалось не въ богахъ самихъ по себѣ, нѣтъ, а въ грекахъ, въ богахъ только косвеннымъ образомъ, поскольку они были существами, соотвѣтствовавшими природѣ грековъ. Почему христіане отвергли языческихъ, греческихъ и римскихъ боговъ? Потому что ихъ религіозный вкусъ измѣнился, потому что языческіе боги не давали имъ того, чего они хотѣли¹⁾.

Какъ же измѣнились идеалы людей ко времени возникновенія христіанства? Мы знаемъ, что древніе греки надѣляли боговъ той красотой, блаженствомъ, силой и безсмертіемъ, которыхъ имъ самимъ не доставало. Христіанинъ, наоборотъ, согласно Фейербаху, желалъ бы быть совершеннымъ, безгрѣшнымъ, лишеннымъ чувственности, неподвластнымъ тѣлеснымъ потребностямъ, блаженнымъ, бессмертнымъ и божественнымъ существомъ; онъ представляетъ себѣ такимъ образомъ идеаль, которымъ онъ хотѣлъ бы быть и какимъ онъ надѣется стать и проэцируетъ этотъ идеаль внѣ себя, представляетъ его стоящимъ позади природы, какъ ея творца и властителя, любящаго отца людей. Леуба указываетъ, что психологическое изученіе современныхъ религіозныхъ переживаній дѣлаетъ очевиднымъ, что верховное существо продолжаетъ быть объектомъ почитанія, не потому что его существованіе рационалистически обосновано, но потому что оно даетъ этическую поддержку и душевную опору²⁾.

Языческое міросозерцаніе и христіанское, по Фейербаху, отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ язычествѣ человекъ позади явленій природы представлялъ себѣ дѣй-

1) Feuerbach, I. c., p. 68—69.

2) Leuba, I. c., p. 201.

ствующими подобныя себѣ, человѣкообразныя существа, одаренныя божественными свойствами. Христіанинъ же, презиравшій свое тѣло и окружающую природу, представилъ себѣ свою внутреннюю духовную сущность, отдѣливъ ее ото всего, представилъ ее себѣ самостоятельнымъ существомъ, находящимся позади природы и управляющимъ, какъ ею, такъ и судьбами людей.

Научное міросозерцаніе находится въ постоянной борьбѣ съ религіозными концепсіями міра. Когда то къ области религіи относилось міропознаніе, въ настоящее время для передовыхъ религій это поле, которое ими совершенно оставлено. Затѣмъ теологія искала для себя поддержку въ метафизикѣ и человѣкоподобное представленіе божества принимало все болѣе утонченныя и отвлеченныя формы. Богъ сдѣлался въ этихъ религіозныхъ пониманіяхъ перво-причиной міра, міровымъ порядкомъ, міровымъ Разумомъ, благожелательной и мудрой Силой, направляющей судьбы міра и человѣчества. Но, чѣмъ болѣе обезличивалось это представленіе, тѣмъ меньше оно давало для сердца — къ нему ужъ нельзя было обращаться съ молитвой о нуждахъ и заботахъ жизни столь мелочныхъ съ точки зрѣнія абсолюта.

Съ другой стороны съ метафизической точки зрѣнія становилось все труднѣе защищать это міропониманіе. Эта сила, постольку могла имѣть значеніе для больного человѣческаго сердца, поскольку люди одаряли ее качествами любви и разума. И тогда возставалъ вопросъ, какимъ же образомъ эта сила воздѣйствуетъ на міровой порядокъ? Если придти къ рѣшенію, что она создала міръ и надѣлила его законами существованія, влекущими его по пути прогресса, то въ такомъ случаѣ весь интересъ сосредоточивался бы на этихъ законахъ и свойствахъ міра, вопросъ же о первоначальномъ источникѣ отступалъ бы на второй планъ и въ существенной степени терялъ бы значеніе для людей,

какъ факторъ, поддерживающій ихъ въ жизненной борьбѣ, т. е. какъ факторъ религіозный.

Одинъ изъ результатовъ научнаго и философскаго движенія прошлаго вѣка, говоритъ Леуба, это было созданіе убѣжденія у теологовъ, стоящихъ болѣе всего на уровнѣ современнаго знанія и которые въ то же время остались христіанами въ традиціонномъ значеніи этого слова, что наука и метафизика не только не ихъ союзники, но, напротивъ, противники ихъ вѣрованій. Это убѣжденіе повело за собой стремленіе сдѣлать богословіе независимымъ отъ науки и метафизики. Если бы это направленіе увѣнчалось успѣхомъ, то для религіи оказалось бы совершенно безразличнымъ то обстоятельство, что историческая критика заподозрѣваетъ подлинность нѣкоторыхъ частей библіи, что физическія науки отвергаютъ чудеса и что психологія объясняетъ естественнымъ путемъ откровеніе и обращеніе. Выдающимся представителемъ этого направленія является нѣмецкій богословъ Ритшль.

Борьба между христіанствомъ и наукой, говоритъ Флурнуа, въ одной изъ своихъ неопубликованныхъ работъ, сперва возгорѣлась на почвѣ космологической; потомъ борьба была перенесена на почву біологіи; теперь же она ведется въ области психологіи¹⁾. На какихъ основахъ, говоритъ Леуба, должно строиться богословіе, которое предстоитъ создать? Единодушный отвѣтъ благочестивыхъ душъ, которыя долѣе не могутъ раздѣлять иллюзіи относительно того, что можно ожидать отъ науки и метафизики, это „религіозный опытъ“ или „духовный опытъ“ или „внутренній опытъ“ — три выраженія, употребляемая, какъ синонимы относительно переживаній, которыя должны удостоверить истинность религіи и въ частности существованіе Бога.

1) Цитировано по Leuba, l. c., p. 207.

Извѣстный теологъ Берлинскаго университета, Р. Зеебергъ, рассказываетъ, что, когда его умъ протестовалъ противъ признанія сверхъестественнаго объясненіе религіозной вѣры, произошло въ немъ необъяснимое измѣненіе, чудо: слова, которыя онъ не понималъ, преобразовались въ живую силу и онъ почувствовалъ себя въ живомъ общеніи съ воскресшимъ Христомъ. В. Джемсъ старается найти среди религіозныхъ переживаній такія, которыя указываютъ, по его мнѣнію, на воздѣйствіе трансцендентнаго агента на человѣка. Но, несомнѣнно, и область этихъ душевныхъ переживаній скоро войдетъ вполне въ кругъ точныхъ научныхъ изслѣдованій; такимъ образомъ и этотъ кругъ явленій будетъ потерянъ для теологіи, какъ обоснованіе сверхъестественнаго.

IV.

Обычно, люди, которымъ приходится защищать трудное дѣло, въ своей борьбѣ примѣняютъ по неволѣ самыя усовершенствованныя и новыя орудія защиты. Такъ и здѣсь защитники челоукоподобныхъ чертъ въ началѣ управляющемъ міромъ стали обосновывать свою защиту на одномъ изъ послѣднихъ усовершенствованій философской мысли — на прагматизмѣ. Такъ называютъ теченіе, которое сложилось подъ вліяніемъ Дарвиновскаго ученія и которое смотритъ на душевныя движенія, какъ на орудія въ борьбѣ за существованіе живыхъ существъ. Другое начало этого теченія — это успѣхи современной физики (Махъ и др.), согласно которымъ задача научной теоріи описать въ наиболѣе простой и ясной и въ то же время полной формулѣ явленіе: чѣмъ формула, охватывающая явленіе, проще и въ то же время полнѣе описываетъ явленіе, чѣмъ больше выводовъ она даетъ возможность сдѣлать, тѣмъ она совершеннѣе, „истиннѣе“. Прогрессъ науки съ этой точки зрѣнія заключается въ томъ, чтобы постоянно упрощать и въ то же

время включать все большее количество фактовъ въ научныя формулы, которыя такимъ образомъ дѣлаются все болѣе совершенными орудіями воздѣйствія на окружающее. Истина только тогда истина съ этой точки зрѣнія, когда въ зависимости отъ ея существованія измѣняется въ томъ или другомъ отношеніи образъ дѣйствія людей. Такія умственныя построенія, которыя совершенно не отражаются на реальной жизни совершенно бесплодны и не заслуживаютъ съ точки зрѣнія прагматизма никакого вниманія. Это не означаетъ узко утилитарнаго отношенія къ наукѣ. Приведемъ такой примѣръ: научный работникъ, изучая свой отдѣлъ, не имѣетъ никакихъ узко утилитарныхъ цѣлей предъ собою; его задача заключается только въ томъ, чтобы найти соотношенія между явленіями и выразить ихъ возможно болѣе точно, лучше всего въ видѣ математической формулы. При этомъ его занятія могутъ касаться такихъ областей, которыя, казалось бы, не имѣютъ никакого отношенія къ вопросамъ практической жизни. Но, нѣтъ никакого сомнѣнія, если научная работа поставлена правильно, то результаты ея не могутъ не оказать вліянія на сосѣднія научныя области и на жизнь. При постановкѣ какого нибудь изслѣдованія не должно быть и мѣста для утилитаристическаго отношенія; задача научнаго изслѣдованія, большею частью, далека отъ какихъ либо практическихъ цѣлей. Но, результаты научнаго изслѣдованія, если только они претендуютъ на серьезное значеніе, не могутъ не реформировать содержаніе научныхъ истинъ соответствующаго отдѣла науки, не могутъ не вліять на жизнь. Предметомъ для изученія можетъ быть избранъ какой угодно по степени отвлеченности и независимости отъ какихъ либо практическихъ вопросовъ жизни, но работа цѣлаго большого законченнаго научнаго направленія или школы не можетъ не имѣть важнаго значенія для жизни и, если она не имѣетъ такого вліянія, то это значитъ, что

работа была невѣрно направлена, что важные факты остались незамѣченными или неиспользованными. Такимъ образомъ наука съ этой точки зрѣнія является въ концѣ концовъ орудіемъ жизни.

Эта точка зрѣнія можетъ прилагаться и къ метафизическимъ и религіознымъ построениямъ. Послѣдователи ея говорятъ, что извѣстная точка зрѣнія, гипотеза, даетъ имъ силы для борьбы въ жизни, а такъ какъ она въ то же время грубо не противорѣчитъ другимъ выводамъ знанія, то она „истинна“. Такъ Джемсъ говоритъ: „Если бы даже матерія была въ состояніи сдѣлать всѣ тѣ внѣшнія вещи, какія дѣлаетъ Богъ, идея о ней не могла бы служить намъ удовлетворительно, такъ какъ современный человѣкъ ищетъ въ Богѣ главнымъ образомъ существо, которое понимаетъ его внутреннимъ образомъ и съ сочувствіемъ производитъ свой судъ надъ нимъ. Матерія не удовлетворяетъ этой жажды нашего я. Богъ, такимъ образомъ, остается для большинства людей болѣе истинной гипотезой и остается ею въ силу опредѣленныхъ прагматическихъ соображеній“¹⁾.

Что же является главнымъ побудительнымъ факторомъ, заставляющимъ многихъ современныхъ мыслителей постулировать для верховной причины, управляющей міромъ, чело-вѣкоподобныя качества разума и любви. Между прочимъ, это тотъ выводъ механистической науки, согласно которому жизнь на землѣ должна когда нибудь непременно прекратиться вслѣдствіе остыванія солнечной системы. „Теизмъ и матеріализмъ, столь похожіе между собой въ ретроспективномомъ отношеніи, приводятъ, рассматриваемые проспективно, къ совѣмъ различнымъ концепціямъ опыта. Ибо, согласно теоріи механической эволюціи законы перераспре-дѣленія матеріи и движенія, которымъ мы обязаны всѣми тѣми минутами счастья, что намъ дала наша организація и

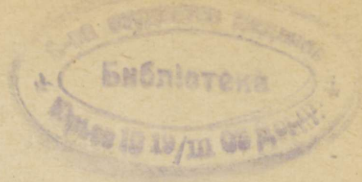
1) Джемсъ, Прагматизмъ, стр. 65, примѣчаніе переводчика.

всѣми идеалами, формируемыми нашимъ духомъ, фатально должны будутъ уничтожить собственное свое дѣло: диссолюція является неизбѣжнымъ концомъ всякой эволюціи.“ Далѣе Джемсъ приводитъ слова Бальфура: „Вся полезная энергія нашей системы будетъ исчерпана, блескъ солнца померкнетъ, а земля неподвижная, лишенная приливовъ, не будетъ больше носить на себѣ пламени, которое на мгновеніе потревожило ея одиночество. Человѣчество сойдетъ въ могильную яму и всѣ мысли его погибнутъ...“¹⁾ Точно также Леуба говоритъ: „Возможна ли логически или невозможна, идеалистическая формулировка, какъ я сказалъ, она желательна. Человѣку физически здоровому и нравственно доброму нѣтъ ничего привлекательнаго въ мысли, что онъ и его братья-люди — мыльные пузыри, вызванные случаемъ, поднявшіеся на секунду передъ своимъ окончательнымъ исчезновеніемъ“²⁾.

По поводу этого можно сказать, что силы человѣчества по отношенію къ природѣ такъ растутъ, что мы не имѣемъ основанія отрицать того, что даже, еслибы такой конецъ и ожидалъ человѣчество, то люди не смогли бы его предотвратить. Самымъ ужаснымъ кажется то, что при конечной гибели всего живого на землѣ, всѣ завоеванія человѣческой мысли и духа безслѣдно и бесплодно погибнутъ. Но тутъ мы сталкиваемся съ вопросомъ о сношеніяхъ съ жителями другихъ небесныхъ міровъ, вопросомъ, который уже сейчасъ волнуетъ многихъ англійскихъ и американскихъ астрономовъ; какъ мнѣ сообщилъ мой ученый другъ, выдающійся астрономъ, проф. А. Я. Орловъ, это уже сейчасъ для многихъ ученыхъ насущная задача науки. Все заставляетъ насъ предполагать, что не на одной только землѣ существуетъ жизнь и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что людямъ удастся

1) Джемсъ, Прагматизмъ, стр. 67—68.

2) Leuba, I. с. р. 326.

вступить въ сношенія съ живыми существами другихъ міровъ. Я бесѣдую со слушателями въ своей аудиторіи; по беспроводному телефону я могу вести переговоры съ Парижемъ, почему же человѣчеству можетъ не удастся завести переговоры съ Марсомъ? Очень вѣроятно, что близко время, когда люди, открывшіе Новый Свѣтъ, откроютъ новые міры. Необходимость открыть жизнь внѣ нашей планеты встанетъ предъ человѣчествомъ въ скоромъ времени насущной задачей, не вслѣдствіе угрозы уничтоженія всего живого на землѣ, а отъ того, что земля сдѣлается скоро для человѣка тѣсной и, если человѣку не будутъ открыты новые предѣлы, то человѣчеству, по всей вѣроятности, начнеть грозить застой и разложеніе. Какъ это не фантастично кажется, почему не предположить, что люди передъ концомъ земли могутъ ее оставить и переселиться на другое небесное тѣло? Въ концѣ концовъ это только вопросъ техники, а развѣ для техники можно поставить опредѣленные предѣлы?

Но, конечно, вопросъ объ отношеніи къ предполагаемому концу всего живого на землѣ рѣшается не въ этой плоскости. Здѣсь вопросъ заключается въ интенсивности чувства жизни, которое испытываетъ человѣкъ. Когда это чувство достаточно сильно, человѣкъ нисколько не заботится, когда и скоро ли кончится его жизнь: заботы о концѣ характеризуютъ упадокъ жизненныхъ силъ, упадокъ чувства наслажденія жизнью. Мелодія можетъ быть такъ хороша, что истиннымъ и высшимъ благомъ является то, что она прозвучала, и передъ этимъ ощущеніемъ интенсивнаго блага и счастья совершенно несущественно, будетъ ли она въ этомъ мѣстѣ вѣчно звучать.

Вернемся къ попыткамъ съ помощью прагматизма обосновать существованіе разумнаго и любящаго верховнаго начала. Мы должны вполне признать цѣнность прагматической точки зрѣнія вообще — это могучее орудіе мысли. Мы должны также признать вполне правильнымъ, приве-

денное выше, разсужденіе мыслителей въ родѣ Джемса, которые говорятъ, что допущенія такого рода повышаютъ для нихъ цѣну жизни, дѣлаютъ ихъ сильнѣе и счастливѣе — эти допущенія для нихъ истинны. Но, съ прагматической точки зрѣнія можно спросить, дѣйствительно ли эти люди представляютъ собою максимумъ жизненныхъ силъ, жизнерадостности, активности, возможныхъ для нашего времени. И тогда разсужденіе безусловно необходимое для нихъ, для того, чтобы они могли обосновать различныя стороны ихъ жизни, окажется совершенно излишнимъ и необоснованнымъ не только вообще для другихъ людей, но, что самое важное, ненужнымъ для людей полныхъ силъ, для тѣхъ, кому принадлежитъ будущее.

Въ основѣ религіи лежитъ, какъ мы говорили выше, стремленіе къ утвержденію (сохраненію) цѣнностей. Несомнѣнно, эти цѣнности понимались въ началѣ въ грубо реальномъ смыслѣ, затѣмъ по мѣрѣ развитія человѣчества они принимаютъ все болѣе и болѣе идеалистическій характеръ. Такъ, для древнихъ германцевъ идея индивидуальнаго безсмертія соединялась съ представленіемъ о Валгаллѣ, гдѣ для героевъ продолжались тѣ же утѣхи — пиръ, охота, война — которыя ихъ услаждали въ этомъ мірѣ. Значеніе божества заключалось въ томъ, что оно должно было, главнымъ образомъ, заботиться объ урожаѣ, побѣдѣ надъ врагами и т. п. матеріальныхъ нуждахъ. Но, по мѣрѣ того, какъ въ жизни племени этические и идеалистическія построенія начали занимать все болѣе и болѣе важное мѣсто, главное назначеніе божества стало заключаться въ поддержаніи и охранѣ этихъ идеалистическихъ нормъ и само божество стало становиться воплощеніемъ ихъ. Въ результатѣ этого процесса и произошло то доминирующее значеніе идеалистическихъ мотивовъ въ религіи, которое мы теперь наблюдаемъ. „Религія, говоритъ Вундтъ, есть чувство принадлежности человѣка и окружающаго его міра къ

сверхчувственному міру, въ которомъ осуществлены, какъ человѣкъ представляетъ себѣ, тѣ идеалы, которые являются для него высшими цѣлями человѣческихъ стремленій¹⁾. Какъ мы видимъ, и это опредѣленіе религіи можно подвести подъ болѣе общее, а именно, что религія есть выраженіе стремленія человѣка къ сохраненію цѣнностей.

Изъ всего изложеннаго выше вытекаетъ, что въ настоящее время мы должны быть готовы встрѣтить громадное разнообразіе религіозныхъ точекъ зрѣнія, которое зависитъ отъ различія въ психологическомъ складѣ людей, различія въ запасѣ тѣхъ фактовъ, которыми они располагаютъ и которыми они оперируютъ и отъ большей или меньшей степени интенсивности чувства жизни и стремленія активно воздѣйствовать на окружающее, которыми они располагаютъ. Какъ бы нелѣпы и нераціональны намъ не казались нѣкоторыя отдѣльныя проявленія религіознаго чувства, непосредственная борьба съ ними не можетъ обѣщать многого. Они являются необходимыми проявленіями стремленія къ цѣльности душевной жизни и чтобъ уничтожить ихъ, необходимо измѣнить тѣ элементы, изъ которыхъ они сложились.

Такимъ образомъ, если бы мы желали бороться съ тѣми или другими вредными проявленіями религіозной жизни, мы должны были бы направить все вниманіе не на нихъ самихъ, а на условія, въ которыхъ сложились тѣ люди, которые являются ихъ носителями. Наша задача свелась бы къ тому, чтобы, изучивъ тѣ факторы, какъ общественной, такъ и индивидуальной жизни, которые способствуютъ наилучшему и наиболѣе гармоничному развитію всѣхъ силъ человѣка, воссоздать эти факторы и такимъ образомъ создать новый болѣе сильный человѣческій типъ.

1) W. Wundt. Völkerpsychologie. II. Band, Mythos und Religion, Dritter Theil, Leipzig, 1909, p. 739.

Что касается настоящаго времени, то теперь дѣйствуетъ цѣлый рядъ такихъ факторовъ, которые не могутъ не оказывать своего вліянія въ конечномъ итогѣ на содержаніе религиозныхъ переживаній. Распространеніе промышленности, необходимость перейти къ болѣе интенсивному хозяйству, необходимость быть не только грамотнымъ, но до извѣстной степени интеллигентнымъ влекутъ къ усложненію и усовершенствованію интеллекта. Дѣятельность въ кооперативныхъ организаціяхъ и въ органахъ самоуправленія влечетъ за собою повышеніе въ личности способности къ самодѣятельности и къ организаціи. Современная медицина, цѣликомъ построенная на принципахъ детерминизма, постоянно оказываетъ въ этомъ направленіи воспитывающее вліяніе на народныя массы. Въ этомъ отношеніи не даромъ амбулаторію земскаго врача называютъ народнымъ университетомъ. Такимъ образомъ рядъ факторовъ ведутъ къ перестройкѣ народнаго и религиознаго міросозерцанія.

Какова же судьба религиозныхъ переживаній въ будущемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ того, какъ понимать, въ болѣе широкомъ или узкомъ смыслѣ этого слова, выраженіе — религиозныя переживанія. Если держаться болѣе узкаго термина и называть религіей только такое міросозерцаніе, которое включаетъ въ себя антропоморфическія, т. е. построенныя по образцу человѣческой души представленія о силахъ, управляющихъ міромъ, хотя бы даже только въ формѣ признанія существованія міровой первопричины, одаренной разумомъ и любовью, то, можно думать, что подобныя построенія будутъ проявлять все меньшую и меньшую жизнеспособность подъ вліяніемъ научной критики, съ одной стороны, и перевоспитанія челоуѣчества въ зависимости отъ все большаго проникновенія въ жизнь детерминистическаго міросозерцанія. Съ этой точки зрѣнія Фейербахъ утверждаетъ, что на мѣсто религіи мы должны поставить образованіе, на мѣсто бо-

жества, въ которомъ воплощаются только беспочвенныя, роскошествующія желанія человѣчества, мы поставимъ человѣческій родъ или природу...¹⁾ Точно также Гюйо отрицаетъ будущность религіи. Констатировавъ разложеніе религіозныхъ догмъ и морали, онъ ставитъ себѣ вопросъ, не смѣнится ли тотъ періодъ религіознаго разложенія, который мы переживаемъ, возрожденіемъ религіи. Такое возрожденіе по его мнѣнію, могло бы произойти двумя путями: 1) объединеніемъ религій и 2) появленіемъ новой религіи. Въ заключеніе онъ отвергаетъ обѣ эти возможности²⁾.

Какъ мы сказали выше, все зависитъ отъ того, какое значеніе придавать термину — религія. Большинство авторовъ принимаютъ этотъ терминъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, такъ Фейербахъ, Гюйо, Леуба и другіе. Но правильно ли это? Мы видѣли, что, слѣдуя Гефдингу, характерной чертой религіи является стремленіе къ утвержденію (сохраненію) цѣнностей; это стремленіе является одной изъ основныхъ чертъ человѣческой природы. Это стремленіе проявлялось еще раньше, чѣмъ человѣкъ дошелъ до признанія безсмертія души и боговъ. Такъ, среди религій можно найти тотемизмъ, въ которомъ, по мнѣнію его изслѣдователей, еще нѣтъ ясно выраженнаго представленія о божествѣ. Равнымъ образомъ мы можемъ представить себѣ людей и время, когда не будутъ въ какой бы то не было формѣ существовать антропоморфическія концепціи вселенной, но стремленіе къ утвержденію цѣнностей будетъ все же проявляться. Съ этой болѣе общей точки зрѣнія, единственно ради чего, стоило бы отбросить терминъ „религія“ для переживаній такого рода это для того, чтобы рѣзко отдѣлать эти религіозныя построенія отъ всѣхъ тѣхъ, въ ко-

1) Feuerbach, l. c., p. 354.

2) Guyau, l. c., III-me partie, Chap. 1², p. 298.

торыхъ въ той или иной формѣ имѣется вѣра въ сверх-естественныя существа. Во всякомъ случаѣ, называть это религіей или нѣтъ, нужно помнить, что стремленіе къ утвержденію цѣнностей является основнымъ свойствомъ человѣческой природы и, если мы признаемъ, что въ будущемъ религія исчезнетъ, какъ таковая, то мы должны выяснитъ себѣ, что же заступитъ ея мѣсто, какой будетъ въ душевной жизни человѣка эквивалентъ религіи.

Можетъ быть, намъ скажутъ, что само стремленіе къ утвержденію цѣнностей — вѣра есть нѣчто преходящее, что для человѣчества будущаго оно не будетъ имѣть значенія. Наука такъ изучитъ все въ подробностяхъ, что люди во всемъ будутъ поступать на основаніи точныхъ вычисленій и вѣрить уже не будутъ никакой необходимости. Но это несправедливо. Мы видѣли, что религіозное настроеніе по изслѣдованіямъ Старбека является выраженіемъ силы и яркости вообще жизненныхъ проявленій. Мы видѣли, что даже строго научный работникъ не можетъ на пути рѣшенія самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ обойтись безъ вѣры. Вѣра есть выраженіе активности человѣка, избытка его силъ, стремленія его воздѣйствовать на окружающее. Въ моей работѣ, посвященной вопросу о нравственности, я старался выяснитъ, что активность, стремленіе воздѣйствовать на окружающее, есть главный факторъ, способствующій росту личности¹⁾. Такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока человѣческая личность въ своихъ представителяхъ будетъ сильна, до тѣхъ поръ она будетъ всегда характеризоваться способностью вѣрить. Когда личность можетъ жить безъ вѣры? Только тогда, когда она пришла въ пассивное состояніе, когда она не двигается впередъ въ своемъ развитіи, не воздѣйствуетъ на окружающее, когда она находится въ

---

1) А. Яроцкій. Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе. Юрьевъ, 1914.

состояніи, составляющемъ переходъ къ разложенію и смерти.

Что способность вѣрить есть проявленіе жизненныхъ силъ здоровой человѣческой природы, можно выяснитъ слѣдующимъ образомъ. П. П. Соколовъ въ своемъ блестящемъ разборѣ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ интенсивность чувства вѣры, видитъ главное изъ этихъ условій въ живости образовъ, выводовъ, мыслей, которые возникаютъ у человѣка¹⁾. Но, нѣтъ никакого сомнѣнія, что среди различныхъ причинъ, обуславливающихъ жизненность и яркость мысленныхъ образовъ, одна изъ главныхъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, это жизненная энергія, богатство жизненныхъ силъ индивидуума. У здороваго, полного силъ человѣка образы, мысли, къ которымъ онъ приходитъ, будутъ отличаться силой, яркостью и прочностью и потому они будутъ представлять основу для интенсивнаго чувства вѣры. Но, кромѣ того есть для этого еще другое основаніе: настоящая вѣра, какъ мы говорили выше, есть вѣра активная, — вѣра, заставляющая человѣка интенсивно воздѣйствовать на окружающее. Но послѣднее возможно только тогда, когда у человѣка есть запасъ силъ, который подъ вліяніемъ извѣстныхъ образовъ и идей можетъ быть освобожденъ, проявленъ. А такой запасъ силъ мы опять таки можемъ ожидать встрѣтить вообще у человѣка здороваго, полного жизненныхъ силъ. Патологія человѣческаго духа можетъ представлять кажуціяся исключенія этому, когда больными овладѣваютъ необыкновенно яркіе образы и носители послѣднихъ проявляютъ необыкновенную настойчивость въ своихъ дѣйствіяхъ, но эти исключенія не опровергаютъ общаго правила. Точно также, вѣдь, истеричные и психически больные могутъ проявлять такую необыкновенную физи-

1) П. П. Соколовъ. Вопросы философіи и психологіи, 1902, кн. 64 (IV), стр. 1305.

ческую силу, что съ ними не могутъ справиться нѣсколько человѣкъ, но это не опровергаетъ то положеніе, что физическая сила человѣка есть выраженіе его здоровья и богатства его жизненныхъ силъ. Часто раздаются голоса, указывающіе на необходимость религіознаго воспитанія молодежи. Если добиваться дѣйствительно развитія религіознаго чувства у молодежи, то для этого прежде всего нужно заботиться о томъ, чтобы она была здорова, не забита непосильною и по количеству, и по продолжительности работою ¹⁾, такъ какъ у существа, измученнаго непосильнымъ трудомъ, и одурѣвшаго отъ него, мы можемъ найти привычку механически выполнять религіозные обряды, но истиннаго религіознаго подъема мы не найдемъ.

Такъ какъ съ точки зрѣнія, излагаемой здѣсь, вѣра есть проявленіе богатства жизненныхъ силъ, то я не сомнѣваюсь, что недалеко то время, когда врачъ, изслѣдуя пациента и собирая данныя о его жизнеспособности, о возможности для него бороться съ болѣзнетворными факторами, не удовлетворится только изслѣдованіемъ функцій органовъ, опредѣленіемъ размѣровъ сердца, печени и другихъ органовъ и вопросами о снѣ и аппетитѣ, а также непременно спроситъ пациента, сохранилась ли въ немъ способность вѣрить.

Такимъ образомъ всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что вѣра не только не исчезнетъ, какъ одно изъ проявленій душевной жизни, но, что по мѣрѣ того, какъ условія общественной жизни будутъ болѣе благоприятствовать процвѣтанію и росту личности, человѣкъ будетъ обладать тѣмъ болѣе яркой и сильной способностью вѣрить. Какую бы важную роль не играла вѣра для способности человѣка воздѣйствовать на окружающее и слѣдовательно для полноты развитія его жизненныхъ силъ, ни въ

¹⁾ См. по вопросу о переобремененіи молодежи мою брошюру „Какова должна быть средняя школа“, Юрьевъ, 1914.

какомъ случаѣ не можетъ возникать вопросъ о томъ, можно ли искусственно возбуждать способность вѣрить. Вѣра есть выраженіе силы жизненныхъ процессовъ, избытка жизненныхъ силъ, жизнеспособности организма. Если ея нѣтъ, то единственно, что можно попытаться сдѣлать, это поставить человѣка въ наиболѣе благопріятныя условія для его развитія и существованія и тогда вмѣстѣ съ ростомъ жизненныхъ силъ появится и способность вѣрить.

Точно также нельзя декретировать и предметъ вѣры. Объектъ вѣры долженъ имѣ становиться самопроизвольно, вслѣдствіе внутренняго свободнаго процесса, а не какъ результатъ тѣхъ или иныхъ соображеній. Нельзя человѣку приказать, вѣрь въ то или другое, но онъ долженъ самъ ощутить въ себѣ вѣру въ это. Мы можемъ только со стороны изслѣдовать предметъ этого чувства и рѣшать вопросъ, таковъ ли онъ, чтобы вѣра была прочна, представляетъ ли собою этотъ объектъ вѣры данныя, изъ которыхъ на почвѣ вѣры личность могла бы почерпнуть новыя силы и найти путь къ своему дальнѣйшему росту. Искусственно подмѣнить одинъ предметъ вѣры другимъ нельзя.

Въ русской общественной жизни періоды реакціи характеризуются обыкновенно отсутствіемъ формулы, которая объединяла бы широкіе слои людей и двигала бы ихъ въ политическомъ или культурномъ направленіи. Наоборотъ, періоды оживленной общественной или политической работы характеризуются наличностью такихъ формулъ, объединяющихъ и вдохновляющихъ людей. Въ глазахъ единомышленниковъ, приверженцевъ такой формулы она является всегда строго, логично и научно обоснованной, но самаго поверхностнаго взгляда, особенно по отношенію къ прошлому, достаточно, чтобы увидѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ продуктомъ разсужденія, а съ вѣрой, которая двигаетъ людьми. Таковы въ прошломъ были, на примѣръ, вѣра въ общину, въ подготовленность народныхъ массъ къ социали-

стическому строю, въ непосредственную спасительную силу капитализма и т. п. Часто въ моменты реакціи выражаются пожеланія о томъ, чтобы появилась бы новая формула, которая сплотила бы людей и повела бы ихъ за собой. Но это разсужденіе не выдерживаетъ критики. Новой, вдохновляющей людей формулы нѣтъ, потому что израсходованъ запасъ людей и силъ, которые вдохновлялись предидущей формулой. Реакція зависитъ не отъ того, что нѣтъ соотвѣтствующей формулы, а потому что еще не выросъ, не выработался соотвѣтствующій кругъ людей, потому что нѣтъ на лицо достаточныхъ силъ. Лишь только появится новый кадръ людей, рвущихся къ дѣятельности, тотчасъ же появляется новая формула, одушевляющая и объединяющая людей. Въ недостаткѣ активныхъ людей лежитъ причина реакціи, а не въ отсутствіи соотвѣтствующей формулы. Если не создается въ такомъ случаѣ новая формула, то запаса великихъ идей достаточно въ прошломъ человѣчества для того, чтобы всякій разъ, какъ явились новые дѣятели, явился бы для нихъ и соотвѣтствующій лозунгъ. Здѣсь первичное явленіе накопленія общественныхъ силъ, а появленіе той или другой объединяющей людей формулы — вторичное.

V.

Отъ значенія въ политической и общественной борьбѣ формулъ, основанныхъ на вѣрѣ, вернемся снова къ религіознымъ движеніямъ. Кромѣ великихъ, исторически сложившихся религій было особенно за послѣднее столѣтіе много попытокъ создать новыя религіозныя системы, причѣмъ существеннѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ для этого было желаніе примирить религіозныя стремленія съ успѣхами точнаго знанія. Прежде всего въ этомъ направленіи слѣдуетъ упомянуть объ официальной религіи временъ французской революціи, о поклоненіи „Разуму“. Почему

оно не имѣло прочнаго успѣха? Въ основѣ этого поклоненія лежало представленіе о разумѣ, какъ о сущности, но, вступивъ на этотъ путь обовеществленія принципа, эта система не могла бороться съ исторически сложившимся католицизмомъ, представлявшимъ собою необыкновенно сильную организацію.

Другой знаменитой попыткой основать религію въ болѣе раціоналистическихъ формахъ была религія „Человѣчества“ Огюста Конта, на и эту попытку нельзя назвать свободной отъ сверхреальныхъ концепцій, отъ персонификаціи. Человѣчество для Конта есть не просто совокупность людей, а нѣчто цѣлое, живое, организмъ — „Великое Существо“. Такъ Контъ говорить: „Забываютъ, что о всякомъ живомъ существѣ слѣдуетъ судить по его взрослому состоянію, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ можно созерцать только дѣтство и юношество Человѣчества...“¹⁾ „Какъ извѣстно, религія Конта, не смотря на культъ, организованный послѣдователями ея, и альтруистическую мораль, принятую ими, получила очень незначительное распространеніе.

Необыкновенно интересное явленіе представляетъ собою возникновеніе и стремительное распространеніе въ Америкѣ новаго религіознаго теченія, носящаго названіе Христіанской Науки или Лѣченія Духомъ. Успѣхъ, который выпалъ на долю этого религіознаго теченія, является давно невиданнымъ событіемъ въ жизни религіозныхъ ученій. Это направленіе уже считаетъ въ своихъ рядахъ массу послѣдователей, во многихъ городахъ высятся громадныя храмы, выстроенныя для религіозныхъ собраній послѣдователей этого ученія, наконецъ оно собрало въ своихъ рукахъ большія денежныя средства. Выдающаяся черта этого теченія заключается въ томъ, что подобно древнимъ религіямъ въ

1) A. Comte. *Système de politique positive*, Paris, 1854, T. IV, стр. 33.

моментъ ихъ расцвѣта, въ средѣ послѣдователей этого вѣроученія совершается множество чудесныхъ излѣченій. Движеніе это основывается прежде всего на, выяснившейся особенно за послѣднее время, зависимости тѣла отъ психики, съ другой стороны на философіи, отрицающей персонификацію божества и построенной на крайнемъ идеализмѣ (въ философскомъ смыслѣ этого слова — въ мірѣ нѣтъ ничего реального внѣ нашихъ ощущеній). Такимъ образомъ, хотя это теченіе представляетъ много неясностей и нелѣпостей и искажаетъ современныя научныя данныя, оно не находится въ противорѣчьи съ современными теченіями мысли. Это новое религіозное теченіе доказываетъ, какъ говоритъ Леуба, что вѣра въ Силу, спасающую людей, есть условіе существованія религіи и что желаніе освободиться отъ физическихъ и моральныхъ бѣдъ и желаніе осуществленія идеала продолжаютъ быть исходной причиной религіозной жизни и теперь, какъ во времена Будды и Христа ¹⁾).

Если далѣе мы будемъ вглядываться въ отдѣльныя современныя попытки выяснить свое отношеніе къ наиболѣе общимъ основамъ человѣческаго существованія, то мы будемъ постоянно встрѣчаться съ представленіями о высшей разумной силѣ, руководящей судьбами вселенной и чело- вѣчества и достигающей своего наиболѣе яркаго выраженія въ сознаніи людей. Такъ писатель социалистическаго направленія, Уэльсъ, говоритъ, что въ окружающемъ мірѣ, среди хаоса сталкивающихся случайностей и интересовъ, можно видѣть нѣчто, что постоянно дѣйствуетъ въ томъ направленіи, чтобы внести порядокъ, красоту, справедливость, мягкость и милость...²⁾ По мнѣнію Леуба духъ времени выражается въ стремленіи къ религіи, въ которой бы

1) О Христіанской Наукѣ и ея послѣдователяхъ смотри цитированныя выше книги Джемса („Многообразіе религіознаго опыта“) и Леуба.

2) Цитировано по Leuba, стр. 327.

человѣчество играло ту роль, какую оно играетъ въ Контизмѣ, но въ которой оно разсматривалось бы, какъ выраженіе сверхреальной Силы, проявляющей себя въ человѣчествѣ¹⁾.

Въ этомъ отношеніи особенно интересно движеніе, нашедшее себѣ выраженіе въ такъ называемыхъ „Обществахъ этической культуры“. Официально эти общества, соотвѣтственно своему названію, этическія общества, т. е. они ставятъ своею цѣлью распространеніе среди людей знанія, любви и поведенія соотвѣтственно правдѣ. Собственно говоря, причислять эти общества къ религіознымъ нельзя, такъ какъ религія не однозначуща съ преданностью этическимъ цѣлямъ. Но, если мы обратимся къ взглядамъ отдѣльныхъ представителей этихъ обществъ, а также къ книгамъ ихъ основателей, то найдемъ, что они признаютъ существованіе высшей силы, которая проявляется въ человѣкѣ. Феликсъ Адлеръ, основатель этого движенія, признаетъ необходимость сверхчеловѣческой реальности, которую онъ за отсутствіемъ лучшаго имени называетъ Духомъ.

Послѣ сдѣланнаго нами обзора различныхъ религіозныхъ теченій выяснилось, что, не говоря уже о послѣдователяхъ исторически сложившихся религій, громадное большинство людей нашей эпохи признаютъ необходимость наличности сверхреальныхъ факторовъ для удовлетворенія присущаго имъ стремленія къ сохраненію цѣнностей.

Кто въ настоящее время стоитъ внѣ этой точки зрѣнія? Несомнѣнно, мы можемъ встрѣтить многочисленныхъ представителей естествонаучнаго міросозерцанія, которые чувствуютъ въ самой незначительной степени потребность въ вѣрѣ. У громаднаго большинства изъ нихъ отсутствіе этой потребности, къ сожалѣнію, приходится объяснить бѣдностью, недостаточной яркостью ихъ душевной жизни. Эта оцѣнка вытекаетъ изъ положенія, составляющаго сущность этой

1) Leuba, l. c., стр. 328.

работы, что способность вѣрить есть необходимое выраженіе яркой, имѣющей стремленіе активно воздѣйствовать на окружающее, душевной жизни. А это большею частью люди, ушедшіе въ извѣстную специальность и не имѣющие необходимости въ предметъ вѣры, такъ какъ жизнь ихъ течетъ вяло изо дня въ день.

Большой интересъ представляетъ собою движеніе въ Германіи, носящее названіе „Монизма“. Цѣль его — борьба съ исторически сложившимися религіями для проведенія въ сознаніе широкихъ народныхъ слоевъ принциповъ, выработанныхъ современнымъ естествознаніемъ. Но, если мы обратимся къ этому движенію, то увидимъ, что борясь противъ религіи, само оно находится въ совершенно другой плоскости, т. к. въ немъ нѣтъ ничего, что, разрушивъ религію, замѣнило бы ея функціи. „Монизмъ“, насколько я его понимаю, это — міросозерцаніе, между тѣмъ какъ религія не только міросозерцаніе, но и утвержденіе извѣстныхъ моральныхъ цѣнностей. Правда, и монизмъ не обходится безъ вѣры: такъ, въ концѣ концовъ, онъ признаетъ существованіе чувствующаго, снабженнаго сознаніемъ и волевыми импульсами атома¹⁾, но это утвержденіе является частью міросозерцанія и не можетъ служить само по себѣ основой утвержденія моральныхъ цѣнностей — вѣдь, этотъ одушевленный атомъ не можетъ никому помочь, не можетъ никого спасти. Если бы монизму или вообще естественно научному міросозерцанію удалось бы разрушить религію, то человѣчество, лишившись извѣстныхъ взглядовъ, дававшихъ ему реальную помощь въ жизненной борьбѣ, ничего не получило бы въ замѣнъ. Изъ этого вытекаетъ для монизма полное отсутствіе возможности успѣха въ борьбѣ, если только послѣдняя будетъ вестись все въ той же плоскости.

1) E. Haeckel. Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. Bonn, 1893, S. 14.

Мы должны признать, что для значительнаго числа сторонниковъ естественнонаучнаго міросозерцанія выраженіемъ стремленія къ утвержденію цѣнностей служатъ вѣра въ прогрессъ, вѣра въ эволюцію, сознание грандіозности пути уже пройденнаго человѣкомъ съ первыхъ ступеней культуры и до сихъ поръ и еще болѣе сознание грандіозности пути, сдѣланнаго всѣмъ живымъ на землѣ, начиная съ первыхъ проявленій жизни и кончая человѣкомъ. Это сознание является опорой вѣры въ великое будущее, которое предстоить человѣчеству. Но, нѣтъ никакого сомнѣнія, что у большинства сторонниковъ естественнонаучнаго міросозерцанія въ настоящее время нѣтъ въ достаточной мѣрѣ сознания важности вѣры, какъ необходимаго проявленія жизненныхъ силъ человѣческой природы и признанія ея въ то же время могучимъ орудіемъ человѣка въ его жизненной борьбѣ. Ихъ ошибка заключается въ томъ, что они думаютъ, что знаніе само по себѣ является достаточнымъ мотивомъ для сильнаго проявленія стремленія активно воздѣйствовать на окружающее.

Кромѣ того мы думаемъ, что и вѣра въ прогрессъ сама по себѣ не является достаточно сильнымъ побудительнымъ мотивомъ для человѣка и постараемся указать еще другіе объекты для вѣры.

Какъ видно изъ предидущаго, вѣра является такой душевной способностью, которая даетъ возможность человѣку достигнуть цѣльности своего міросозерцанія, изъ какихъ бы диспаратныхъ частей не состоялъ его душевный міръ: нѣтъ такой пропасти, чрезъ которую вѣра не могла бы перекинуть мостъ, не даромъ для характеристики вѣры характерно изрѣченіе — *credo quia absurdum*. Но, не нужно думать, что душевная сила и ясность, достигнутая человѣкомъ путемъ изгнанія изъ поля сознанія фактовъ и выводовъ, противорѣчащихъ его вѣрѣ, обходилось бы для него дешево. Вѣра въ нѣчто противорѣчащее нагляднымъ фактамъ или

міросозерцанію, полученному чоловѣкомъ изъ его житейскаго опыта или изъ его научной работы, достигается затратой большихъ душевныхъ силъ, большого количества нервной энергіи. Поэтому то такъ и дорога душевная цѣльность чоловѣка. Цѣльность міросозерцанія есть величайшее благо и счастье. Только при цѣльности душевнаго строя чоловѣкъ можетъ дать максимумъ того, что позволяютъ его силы. Поэтому то и является такой важной задача, къ которой мы теперь подходимъ. Безъ вѣры не можетъ быть яркой и полной жизнь, каковъ же долженъ быть объектъ вѣры у чоловѣка съ послѣдовательнымъ естественнаучнымъ (детерминистическимъ) міросозерцаніемъ. Что должно являться эквивалентомъ религіи, какую цѣнность должна утверждать (сохранять) вѣра у такого чоловѣка?

Нельзя признать, какъ мы уже говорили выше, удачными объектами вѣры, выбранные во времена французской революціи, Разумъ или Красоту или Свободу. Какія бы высокія чувства и идеи не воплощались въ этихъ понятіяхъ, это всего только отвлеченныя понятія, которыя существуютъ только въ умахъ людей, которыя не имѣютъ реального существованія. Чувствовать къ нимъ любовь и благоговѣніе нельзя, не нарушая грубо законы мышленія: интенсивную любовь и благоговѣніе можно почувствовать къ нимъ только гипостазируя ихъ, превращая ихъ въ одаренныя жизнью существа.

Не подходитъ въ объекты поклоненія и вѣры чоловѣчество, взятое Контомъ въ основу его религіи. Чоловѣчество черезъ чуръ расплывчатое, неопредѣленное понятіе, особенно, если въ него включать всѣхъ людей, когда либо жившихъ и тѣхъ, которые будутъ жить въ послѣдующіе вѣка. Это понятіе еще блѣднѣетъ, если понимать подъ нимъ совокупность только тѣхъ, которые своею мыслью и дѣломъ содѣйствовали прогрессу чоловѣчества. Принципъ, слѣдуя которому одни признаются входящими въ это „чоловѣчество“,

которому слѣдуетъ поклоняться, а другіе исключаются изъ него, можетъ быть очень высокъ, но благодаря такому отбору вносится субъективное суживающее, обѣдняющее содержаніе этого понятія, начало.

Но, самое главное то, что человѣчество это — отвле-
ченное понятіе — совокупность всѣхъ людей. Попытка, представить себѣ его существомъ, организмомъ, основана на методологической ошибкѣ. Можно поклоняться ему только, превращая его въ сущность или даже считая его за живое существо.

Вѣра въ прогрессъ, въ эволюцію несомнѣнно являются факторами, поддерживающими людей въ жизненной борьбѣ, но несомнѣнно значеніе ихъ въ этомъ смыслѣ относительное. Вѣра въ лучшее будущее грядущихъ поколѣній несомнѣнно является утѣшеніемъ для страдающихъ, но утѣшеніемъ только до извѣстной степени.

Какой же объектъ вѣры могъ бы сдѣлать жизнь наиболѣе богатой и дѣятельной? Такимъ объектомъ, по моему мнѣнію, долженъ быть — человѣкъ, живые люди, которыми мы окружены, съ которыми мы живемъ и работаемъ. Объектомъ вѣры должно быть то богатство душевныхъ силъ, которое таятся въ каждомъ человѣкѣ, то богатство возможностей развитія, которое имѣется для каждаго, будь онъ поставленъ въ условія, которыя могли бы дать ему возможность ихъ проявить.

Вѣра эта имѣетъ за собою серьезное фактическое обоснованіе. Это богатство возможностей развитія, таящихся въ душѣ каждаго человѣка, показываютъ такія эпохи, какъ французская революція, когда среда, казалось, внезапно проявляетъ цѣлыя полчища талантовъ и великихъ людей. Мы можемъ съ большею вѣроятностью допустить, что въ каждомъ человѣкѣ таятся великія возможности, но онъ ихъ проявить не можетъ, такъ какъ для нихъ нѣтъ мѣста въ опредѣленныхъ условіяхъ; проявились они вслѣдствіе

внутреннего процесса, это въ большинствѣ случаевъ повело бы къ гибели ихъ носителя вслѣдствіе нарушенія соотвѣтствія между нимъ и окружающей средой. Даже, когда люди, изуродованные нездоровыми условіями жизни и попадаютъ въ другую обстановку, казалось бы, дающую имъ возможность къ свободному, широкому развитію, это развитіе обычно не наступаетъ и вполне понятно, почему это происходитъ. Предидущая обстановка не только задержала развитіе личности, но и дала ей вполне опредѣленное направление процессовъ душевной жизни, направление, которое не можетъ привести не къ чему большому. Это видно, на примѣръ, на извѣстной категоріи молодежи, попавшей въ университетъ: богатства, которыя имъ предлагаютъ, существуютъ не для нихъ, такъ какъ ихъ требованія отъ университета самаго примитивнаго свойства. Въ другой работѣ я старался доказать, что главнымъ факторомъ, способствующимъ росту личности, является альтруистическое (соціальное) направленіе душевной жизни¹⁾. Представьте себѣ существо, которому предидущая обстановка его жизни дала эгоцентрическое направленіе всѣхъ интересовъ и вы увидите, какъ ему трудно и часто невозможно при опредѣленныхъ условіяхъ найти путь къ болѣе полной жизни.

Вѣра въ богатство силъ, заключающихся въ каждомъ человѣкѣ, обосновывается съ одной стороны, какъ мы сказали выше, на появленіи группами выдающихся людей. Такъ какъ мы не имѣемъ основанія предполагать, что таланты какъ бы неравномѣрно разбрасываются какой то таинственной рукой, то изъ этого вытекаетъ естественное предположеніе, что среди окружающихъ насъ людей масса силъ не находитъ себѣ возможности проявиться. Другую поддержку этой точкѣ зрѣнія даетъ одно изъ современныхъ направленій

1) См. „Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе“.

науки, представляемое въ настоящій моментъ ярче всего Оствальдомъ. Въ противоположность прежнему взгляду, который царилъ особенно въ первую половину девятнадцатаго вѣка въ Германіи, согласно которому люди дѣлились, съ одной стороны, на геніевъ, отмѣченныхъ печатью божества, въ сущности полубоговъ и, съ другой стороны, жалкой толпы, это направленіе ставить себѣ цѣлью изучать условія происхожденія и роста таланта. Оно изучаетъ обстановку, наиболѣе благопріятствующую для его проявленія, такъ же, какъ бы ботаникъ изучалъ наиболѣе благопріятствующія для произрастанія растенія условія. Это направленіе, выдвигая на первый планъ факторы, благопріятствующіе росту таланта, конечно, косвеннымъ образомъ говоритъ въ пользу увѣренности въ богатство жизненныхъ силъ, заложенныхъ въ каждомъ человѣкѣ.

Если увѣренность въ правоту этого положенія въ значительной степени подтверждается окружающими насъ фактами, то, съ другой стороны, она является въ высшей степени выгоднымъ направлениемъ душевной жизни для того, кто ею проникнуть, такъ какъ эта увѣренность увеличиваетъ душевныя силы ея носителя и способствуетъ росту его личности. Человѣкъ, который вѣритъ, что въ окружающихъ его людяхъ есть множество душевныхъ сокровищъ, которыя нужно умѣть найти и которыя нужно умѣть заставить проявиться, будетъ съ тщательнымъ вниманіемъ всматриваться въ окружающихъ людей и найдетъ въ нихъ много цѣннаго въ общественномъ отношеніи, что осталось бы скрытымъ для безразличнаго и невнимательнаго глаза. Съ другой стороны такая вѣра является побудителемъ для ея носителя къ воздѣйствію на окружающее и при этомъ, несомнѣнно, его дѣятельность будетъ значительно продуктивнѣе, чѣмъ у человѣка, безразлично или съ недовѣріемъ относящагося къ окружающимъ людямъ.

Наша точка зрѣнія должна быть различаема, съ одной

стороны, отъ религіи Конта, съ другой стороны, отъ „богочеловѣчества“, религіознаго теченія среди русской молодежи 70-тыхъ годовъ, основателемъ котораго былъ Маликовъ. Вотъ, какъ характеризуетъ это движеніе Пругавинъ: „Они (богочеловѣки) доказывали, что, постепенно совершенствуясь морально, освобождаясь отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, слабостей, порочныхъ наклонностей и дурныхъ страстей, человекъ можетъ достигнуть высокаго, идеальнаго совершенства, можетъ приблизиться къ самому Богу, можетъ слиться съ Нимъ, объединиться съ Богомъ, и въ доказательство этого ссылались на то необычайное, мистическое, чисто божественное состояніе, которое переживаетъ вѣрующій человекъ въ минуты религіознаго экстаза. При такомъ состояніи людей естественно должны прекратиться и исчезнуть изъ жизни всякіе антагонизмы, отравляющіе въ настоящее время существованіе человечества: войны, борьба классовъ и партій, преступленія и пороки въ жизни людей... И все это, — по мнѣнію богочеловѣковъ, — должно совершиться путемъ обоготворенія человека. Такимъ образомъ на мѣсто христіанскаго самопожертванія во имя какихъ бы то ни было высокихъ идеаловъ они ставили самоуваженіе человека, переходившее въ прямое его обоготвореніе...“

Отъ той и другой точки зрѣнія наша отличается отсутствіемъ мистицизма. Такъ, по отношенію къ богочеловѣчеству, которое такъ близко къ ней, наша точка зрѣнія отличается тѣмъ, что въ окружающихъ людяхъ она видитъ не божественное начало, а реальную возможность великихъ чувствъ, мыслей и поступковъ.

Вѣра вообще въ богатство душевныхъ силъ людей приводитъ, конечно, къ вѣрѣ въ богатство и цѣнность своей собственной личности. Но, мы должны отмѣтить, что ха-

1) А. Пругавинъ. Левъ Толстой и „богочеловѣки“. Русск. Богатство 1911, кн. 8, стр. 155.

рактерной чертой того душевнаго переживанія, которое съ нашей точки зрѣнія является необыкновенно цѣннымъ, является выдвиганіе объектомъ вѣры цѣнности окружающихъ. Уваженіе и къ своей личности естественно вытекаетъ изъ этого міросозерцанія, но характернѣйшей чертой его, отъ которой и зависитъ его цѣнность, какъ фактора, обогащающаго личность и дѣлающаго ее сильной, есть направленіе вниманія и воли внѣ субъекта, на окружающій міръ. Не высокая оцѣнка своей личности, а вѣра въ высокую цѣнность окружающихъ людей даетъ почву для увѣренности въ смыслѣ и успѣшности воздѣйствія на окружающее.

Вѣра въ людей и въ силу этого высокая оцѣнка чело-вѣческой личности, независимо отъ тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ, которыя она можетъ представлять въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, должна быть основой того утвержденія или сохраненія цѣнностей, которое даетъ возможность и силы жить челоувѣку. Это не значитъ, что мы должны закрывать глаза на индивидуальныя и подчасъ отрицательныя свойства людей. Наибольѣ продуктивная дѣятельность и наибольѣ свободная отъ ошибокъ и разочарованій возможна только при объективной оцѣнкѣ окружающаго, но это не должно мѣшать вѣрить въ тѣ возможности, которыя насъ окружаютъ. Представьте себѣ, что у меня въ рукахъ большой кусокъ холодной стали. Дайте мнѣ создать соотвѣтствующія приспособленія и онъ запылаетъ громаднымъ пламенемъ.

Возможно ли психологически соединить вѣру въ цѣнность окружающихъ людей съ объективной ихъ оцѣнкой? На почвѣ стремленія активно воздѣйствовать на окружающее, это возможно. Примѣромъ для меня служить психологія врача: вся современная медицина построена на точной объективной оцѣнкѣ фактовъ, а въ то же время я не могу представить себѣ настоящаго врача, который могъ бы въ

самомъ дѣлѣ лѣчить, не вѣря въ выздоровленіе паціента. Правда, современному врачу приходится часто имѣть дѣло съ безнадежными паціентами, напримѣръ, съ больными ракомъ въ послѣдней стадіи. Но, тогда онъ уже не выполняетъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, обязанности врача; его роль здѣсь скорѣе утѣшителя, сестры милосердія... Въ случаяхъ же не вполне безнадежныхъ, настоящій врачъ, какъ бы не было тяжело положеніе больного, всегда надѣется на лучший исходъ и эта надежда является для него однимъ изъ главныхъ условій, чтобы проявить максимумъ полезнаго воздѣйствія. Такъ, передъ врачомъ можетъ быть крайне тяжелый случай тифа; объективный анализъ говоритъ, что въ данномъ случаѣ выздоровленіе мало вѣроятно, но настоящій врачъ и тутъ будетъ вѣрить въ успѣхъ и будетъ бороться всѣми силами и сколько разъ такое отношеніе къ паціенту увѣнчивалось успѣхомъ.

Вѣра въ человѣка, какъ мы говорили выше, послужить факторомъ, заставляющимъ крайне внимательно относиться къ каждому человѣку для того, чтобы не упустить въ немъ драгоцѣнныхъ чертъ; она заставитъ считать священной каждую человѣческую личность; она вызоветъ бережное отношеніе къ каждому человѣку и тѣмъ самымъ съ его стороны вызоветъ отзывчивое благожелательное отношеніе. Съ вѣрой въ человѣка можетъ быть связанъ цѣлый рядъ другихъ вѣрованій, увеличивающій ее значеніе для личности. Окружающій міръ, который путемъ воздѣйствія произвелъ изъ неорганической матеріи черезъ рядъ послѣдовательныхъ жизненныхъ формъ человѣка, тѣмъ самымъ даетъ возможность вѣрить въ необыкновенную сложность и богатство его воздѣйствія на личность, тѣмъ самымъ даетъ силу вѣрить въ возможность дальнѣйшаго безграничнаго развитія.

Съ вѣрой въ человѣка тѣсно связана вѣра въ благо-

творность для человѣчества успѣховъ точнаго знанія, успѣховъ науки — вѣры, которая такъ характерна для восемнадцатаго вѣка, которая такъ характерна для личности Петра Великаго и его эпохи. Эта же вѣра въ благотворность точной науки также была очень сильна у насъ въ шестидесятые годы.

Какъ мы говорили выше, вѣра въ людей, какъ и всякая вѣра, есть выраженіе богатства жизненныхъ силъ ея носителя. Какъ и каждая вѣра, она будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ лучшія условія существованія будетъ поставлена личность. Изученіе этихъ условій и осуществленіе ихъ въ жизни такимъ образомъ будетъ наивѣрнѣйшимъ путемъ къ тому, чтобы эта вѣра процвѣтала. Но, кромѣ того, несомнѣнно, существуютъ еще факторы, способствующие ея развитію. Прежде всего это общеніе съ выдающимися по своимъ душевнымъ качествамъ людьми; стремленіе окружать себя такими людьми, общеніе съ которыми благотворно вліяетъ на личность, обогащаетъ ее, ведетъ впередъ. Въ жизни должно культивироваться все, что способно усилить вѣру въ богатство и могучія силы человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи большую роль должно играть искусство, особенно, античное искусство и искусство эпохи Возрожденія, музыка и драма. Послѣднимъ можетъ опять вернуться тотъ священный характеръ, который когда то былъ имъ присущъ. Кромѣ того, отношеніе къ нимъ должно измѣниться еще въ слѣдующемъ: изъ средствъ, временно, на очень короткій срокъ настраивать себя на тотъ или другой тонъ, они должны сдѣлаться орудіями, дающими людямъ длительные импульсы, прочное настроеніе силы и бодрости. Какъ было бы хорошо возобновить Коллизей и античные театры для грандіознаго исполненія античныхъ трагедій, симфоній Бетховена и Вагнеровской музыки!

Отношеніе къ цѣлому ряду явленій жизни должно из-

мѣняться: изъ узко утилитарнаго стать другимъ болѣе широкимъ. Возьмемъ, на примѣръ, отношеніе къ вопросу о свободѣ народныхъ собраній. Въ настоящее время, съ точки зрѣнія большинства, какъ мнѣ кажется, эта свобода является крайне необходимой, какъ средство для правильнаго функціонирования парламентарныхъ учрежденій, которыя въ свою очередь обеспечиваютъ нормальныя условія жизни обывателей. Это утилитарное отношеніе должно смѣняться сознаниемъ того, что свобода народныхъ собраній есть необходимое условіе для проявленія коллективной жизни народа, для проявленія наибольшаго душевнаго подъема и представляетъ само по себѣ благо, помимо тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя она несетъ для правильнаго функціонирования политическихъ учрежденій.

Можно ли имѣть увѣренность, что формула утвержденія цѣнностей жизни, предложенная здѣсь нами, можетъ имѣть въ настоящее время успѣхъ въ широкихъ массахъ. Въ виду того, что, пока, громадное большинство культурныхъ людей нуждается для этой цѣли въ метафизическихъ, мистическихъ, антропоморфическихъ и даже политеистическихъ построеніяхъ, это является сомнительнымъ. Нашей задачей было показать, во первыхъ, что здоровый и сильный человѣкъ не можетъ не вѣрить и, во вторыхъ, дать такую формулировку для объекта этой вѣры, которая не стояла бы въ противорѣчій съ естественнонаучнымъ міросозерцаніемъ. Даже, если извѣстное міросозерцаніе является пока несоответствующимъ душевному строю широкихъ народныхъ массъ, важно намѣтить этапъ къ развитію будущаго.

Подводя итоги нашей работы, мы, какъ самый существенный пунктъ должны выдвинуть представленіе о вѣрѣ, какъ о существеннѣйшемъ признакѣ здороваго, полнаго энергіи душевнаго состоянія. Эту способность вѣрить мы встрѣчаемъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры; она является основой разнообразныхъ религіозныхъ по-

строений и, какъ бы послѣднія не отличались между собою, общая имъ всѣмъ черта заключается въ томъ, что каждая изъ нихъ въ своей средѣ, въ тотъ періодъ, когда эта религіозная система соотвѣтствовала духу народа, являлась орудіемъ, выработаннымъ людьми въ борьбѣ за жизнь, средствомъ, поддерживающимъ силы людей въ тяжелыхъ условіяхъ ихъ существованія. Въ виду этого, какъ бы ни были чужды намъ эти, самыя разнообразныя, религіи, онѣ всѣ должны привлекать къ себѣ интересъ и сочувствіе. Религія такъ же, какъ и нравственность, есть орудіе жизни, есть нѣчто поддерживающее и увеличивающее силы человѣка въ борьбѣ за жизнь.

Какъ бы наша среда и наша жизнь не отличались отъ эпохъ, когда выработывались великія религіозныя системы, основы жизни и теперь остались тѣми же. Если одна религіозная форма отжила свой вѣкъ, но, если жизнь не изжита, должны появиться новыя формы религіи или, если взять болѣе широкое опредѣленіе, новыя формы утвержденія цѣнностей жизни.

Воронеж. Госуд. Университет
№ по инвентарю _____
№ по каталогу _____
Студенческая Библиотека

308.

72

TÜ RAAMATUKOGU

10300015857685

ESTICA

A 16428

C 29478832